

а е Ферсман ВОСПОМИНАНИЯ О ААМИЕ

А.Е.Ферсман

ВОСПОМИНАНИЯ О КАМНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВАКСМ «RADACAOM» 1953

ОТ АВТОРА

«Что мы внаем, так ничтожно по сравнению с тем, чего мы не внаем». (Предсмертные слова Лапласа, 1827 год.)

Не читайте эту кинжку так, как читают увлекательный ромаи, подсмотрев его конец, а потом залпом—от первой страницы до последней.

Не читайте ее так — между делом, между газетой и радиоконцертом, между телефонным звонком и деловым разговором,

А читайте тогда, когда просто хочется отдохнуть, набраться новых впечатлений, окунуться в совсем, вной, новый, мало кому внакомый мир. Воспоминания о камие — история целой живни, история своеобравной любви к природе, искания равгадок природных тайи в течение почти пятидесяти лет. Такую книгу можно решиться писять тогда, когда

Такую кингу можню решиться писать тогда, когда кожа клізнь в осіоном уже промітта, когда посладніє отзвуки стармх пережнавий сливаются и заглушаются тормествующими волиами новых пдей и побед человека нового поколення. И в втих могучих звутак настоящего, в ярко сверкающих красках сегоднявшего для растпоряются вти картини рошлюго так, как тонут неженые контуры утренних миражей в ярких сомнечних лучах посколенного ди-

И все же в втих воспоминаниях так много пережитого, передуманного, так много того прошлого, которое любишь не потому, что оно было, а потому, что в ием были ростки нового, спетлого будущего!

Москва.

Maor 1940 L

І. ИСКРЫ ПРОШЛОГО

Темная, бурная почь. Холодно, угрюмо и мрачно. Плотно закутавшись в свой плед, сидит он, после тижелой болезии, в кресле у окна, а за оким мирнады сисжинок иоситися в вихре, то тико и плавио пладка и холодную землю, то снова в дикой пласке цельми потоками въздымаясь кверху, выше влених верхущек замеращих сосеи, выше шпилей затерянных в десу домов.

И, как эти снежники, проносятся в его воспомнаниях картниы прошлого, — нет, не самые важные и решающие моменты из его жизии, а тысячи каких-то мелочей, которые врезались в память ярче и резче самых сильных событий, — какие-то отдельные искры прошлого, царапины, которые не изгладились из памяти, хотя нередко инчтожны были сами причины и еще незаметнее были их следы.

…Я вижу себя шестилетини мальчиком, на берегу моря, около Афин; весь берег Елевсииской бухты усыпан серой и белой обточенной галькой, а я забавляюсь, бросая плоские камешки в тихо вабегающую воляу.

— А знаешь ам ты, что все эти камешки мрамор? — говорят мие отец, и слом «мрамор» врезается мне в память, как острый шили шиполника. — Это не простой камень, это тот мрамор, на которого построен Акрополь в Афннах. «Мрамор, мрамор.» Я не могу успоконться, перестаю бросать камешки, собираю аучины, обточенные водой, бережно кладу их в спичечную коробку в храню, храню, храню, хак тальками, миото лестяма. аст.

...Бал-премьера в московском Большом театре. Молодой студент впервые среди роскоши и богатства московского купечества и

знати! Залиты ярким электричеством залы театра, сверкают, переливаются тысячами огней бриллианты и самоцветы на обнаженных плечах

- Вот посмотри, это княгиня Юсупова. Сине-зеленые камни — старые изумруды Колумбии, а среди них сверкает замечательный камень — боиллиант доевней Голконды. Вот вто колье. что так меотвенно блестит на шее втой красавицы, — вто алмазы из Южной Африки, среди них известный солитер в пят-налнать каратов чистой голубой воды; смотри, все-таки мертвы эти алмазы Капа, и не соавияться им со старой Индией. Смотов, вон два камня, как капли крови, и смотри, какой нежной они окружены оправой из адмазных роз, как гармонируют они с этим выточенным как бы из слоновой кости греческим профимак ом из сколовой кости треческим профи-лем. И как ярко горят они из-под черных выощихся волос! Вот эта брошь известна всей Москве. Это гранатовый кабошои из Бирмы или Снама (Таи); вокруг него как-то незамет-но вьется струйка из дивных индийских бриланантов. Говорят, что пришлось заложить два имення, продать часть своих фабрик иностранцам, чтобы купить эту замечательную брошь у нидусского раджи. Впрочем, что сказать.

много слез н крови скрывается там, за блестящим огнем самоцветов, их знают, пожалуй, наши бабущки, но и они не любят об этом говооить...

Я был первый раз на балу, меня туманнаи эти камин, этот нежный запах тончайших дужов, этот мягкий колорит привезенных экспрессом из Нидды фиалок, меня дурманим с слова моего слутника, одного на представителей московской знати, его намеки на то, от эти камин многое могли бы рассказать о себе и весслого и стращного, могли бы оживить много картин страсти и гнева, элобы и преступлений.

 Ну пойдем! — сказал мне мой спутник,
 с усмешкой смотря на мое растерянное лицо. — Я вижу, тебе не по нутру эта роскошь.

...Наконец мы на Риддере. Целый день, сгибая спины, ходим мы по подземным ходам, следим за мощными жилами серебристой свинцовой руды, собираем в пустотах и расцелных кристальник порного хрусталя, цинковой обманки, — мы целиком под впечатлением алтайских богатств; все-таки как хорощо, когда снова выходим на соллинико: так ослепительно ярко горят снега Белков, шумит, бежит Громотуха, ласково и пышно разливается вокруг нас дивная алтайская природа, полная красок и цветов.

— Ну, теперь осталась только обогатилка! Там на столах Вильфлея ты увидишь, что

делается с нашей рудой.

Дрожит деревянное здание дробилки, мощные щеки из марганцовистой стали сжимают в своих исумолнимх тисках серую, невзрачную руду. Грязный водный поток увлекает растертую руду по желобам на большие столы. — они медленио, как-то неверио качаются, то содрогаясь судорожимии движениями, то снова плавио покачиваясь на своих неустойчивых осях. Дрожат, мечутся в беспорядке кусочки руды: один, что полегче, уносятся в потоках воды, другне тяжело падают на лно. расстилаясь по поверхности стола. Вот полося чериой цинковой руды, она заивмает почти весь стол, — руда редких металлов: кадмия, галлия и нидия. Дальше ядет блестящая стальная полоса — это тяжелый свинновый блеск с серебром, а по самому краю какой-то замечательной змейкой, яркой, тонкой, сверкающей, как искусная оправа, медленно плывут частички чистого золота...

Прошло с тех пор больше двадцати лет, ио я не могу забыть этой сверкающей струйки иастоящего золота...

. .

Все эти картины для него сейчас в отдаленном прошлом: длинной вереницей, как снежники за окном, тянутся воспоминация то иеясные, подериутые дымкой тумана, то яокне блестии старых впечатлений.

Больше полустолетия жизни исканий и увлечений, больше полустолетия любии, упорной и упрямой, любви безраздельной к камню, к безажизненному камию природы, к самоцету, к куску простого кварца, к обломку черной руды! И за эти миогие десятки лет он научился языку этих безакизненных и мертвых тел, он познал миогие тайны их существования, зарождения и гибели, он сродинся с их природой, таниственной и скрытой, с их великими законами гамомини и порядка.

И в кажущемся хаосе окружавшего его мира он увидел, наконец, величайшие законы мировой гармонин, того совзучия всего и всех в мире, о котором говорили древиегреческие философы, и особенно Пифагор, космоса, как величайшей идеи порядка, красоты и мира, сантых воедино в этом слове! И он понял, что неразрывными узами связаны судьбы природы с судьбой человека и что познание природы есть один из самых могучих рычагов на пути победы человека над миром.

. . .

Так, одно за другим, как птицы нан, скорее, стрекозы, происслансь перед ним воспоминания о прошлом, они теснились в беспорадке, вые времени и пространства, сплетаксь и переплетаксь то в развернутые ленты законченных картин, то в отдалениие обрывки, случайные, без начала и без конца. И замечательно, как вто прошлое менялось в зависимости от инстолицего, окрашивалось новыми колеками...

Он ваписывал их, эти искры прошлого, спачала в темные зниние вечера, среди снежных бурь соковых лесов; он кончал весной, той дышащей жизино весной, когда кажется — даже мертвые камин горят более ярко; он писал, когда летнее солице казалось растворенным во всей природе, в море, светлом, спокойном, в небе, залитом солицем, в яркой листве, во всех переживаниях, мыслах, чувствах, исканиях, когда просолнаются новые силы к борьбе за светлую жизиь, когда, сильный и уверенный в самом себе, кочешь сбросить годы вместе со старым другом чешским пледом.

И, вспоминая прошлое, он понимал, что вз этого прошлого мы должны взять только то, что нам нужно, взять его так, чтобы прозорливее смотреть в будущее и безраздельно отдать этому будущему свои силы и свою жизић!

II YEPHOE W BEAGE

Гудки, гудки, телеграф в машниу: малый ход — есть вадний, — снова протяжный гудок. А так еще кочется спать, котя яркие лучи солица врываются склово жальови кабним большого черноморского теплохода! Потом начинается возвия на палубе, шумно спускают грап, мерно стучат моторы кранов, и слышко, зак из глубоких трюмов выгружаются машины, мешки, токи, а в другие грузятся сотин ящиков мандарннов, табажа, чайного донста...

«Вира, вира помалу, майна!» — доносятся знакомые с детства слова черноморских пристаней... Солнце и звуки не дают заснуть, зовут на

палубу, на берег земли.

Да! Это Поти. Углом разошансь громады цепей: снежной преградой стоит на севере Кавказский хребет, отдельными пиками высятся белые вершины турецкого Трапезунда; а между ними зеленая равнина Колхиды, ээлитая водами Риона; Колхида аргонавтов, будущая жемчужина кавказских предгоонй!

Уже вытягиваются к небу громадные эвкалипты с их нежной листвой, благоухающие магнолни наполняют воздух острым запахом белых цветов, «золотисто-желтые цветы мимозы приносят в марте первое весениее приветствне из Колхиды на снежные улицы Москвы».

Выстранваются правильными рядами, как атомы в консталле, деревья мандаринов и лимонов: по склонам ходмов — зеленые бугооки чанных кустов, снова в том же строго геометрическом порядке, заимствованном человеком

на великих законов консталлов.

Солнце ослепляет еще заспанные глаза. сверкает и переливается синее море, сверкают вершины хребтов, и вдруг... две необычные картины приковывают наше винмание. Налево, как конусы маленьких вулканов, одян за другим вдолд каменного мола высятся массъм буро-черной земли. Огроминые вксквавторы медленно, гордым движением споих пастей за-квативают из вагонов тонны руды, высоко поднимают ее к небу, потом со скрежетом нарытают черным дождем на вершину конуса. Но к ины протягнавлотся и други пастет. Они, на свою очередь, закватывают так же спокойно и медленно черную землю, гико поворачивают-ся к стоящим у прикола пароходам и с шумом и пильно опускают буро-черную землю в глубину их черных и темных трюмов. Из бедоснежных значестияком Чнатую пои-

Из белосиежимх известияхов Чнатур привезена сюда дорогая марганцовая руда лучшая в мире, и пароход за пароходом запоминот свои трюмы чериой землей, чтобы везти ее на металлургические заводы.

И мирный и тихий марганцовый осадок мирных и тихих морей будет поглощеи расплавами железа в пылающих и шипящих печах металлургических цехов, и новый металл, твердый и жесткий, родится из черной земли.

...И не отрывается глаз от медленных движений экскаваторов, спокойно и величаво тысячи тони марганцювой руды отправляющих на новую, бурную жизив.

Но справа от нас, за горой ящиков с мандаринами и грудами мешков с мукой, другая картина привлекает внимание.

Из парохода медлению и тихо извлекает месклаватор белосиежную муху. Он бережию поворачивается, как бы на цыпочках, и, бережно открывая свою пасть, бросает бельй несок на приставы. И растут белые конусы, ослепительным и выжном солице, белые конусы, осменительным и парохода «Рошаль». Я читаю под кормой имя города, хозяния парохода: «Лечинград», и мие делается понятной и загадочная мука и ее пути. Это апатит, камически претворениям в ценное удобрение на ленинградских заводах, это апатит — камень плодородия, камень велькой кироской земли, камень фосфора, без которого иет ин жизни. ни молят.

И ои пришел сюда из жерл хибииских вулканов, выиесенный горячими парами и расплавами из глубии земли и ее магм; ои пришел сюда после буриых дией своего рождения, поишел для мионого тоуда.

Скоро развеется и рассеется белая мука апатита по полям и садам иовой Колхиды, давая жизиь и силу ростку, иаполияя сахаристым соком цитрусы, выгоняя зеленые листикн чайного куста,

Так скрещиваются в Потийском порту пути марганда и фофора, пути двуг разлачных атомов природы. Менделееская таблива дала им два номера — 25 и 15: чериому 25 и белому 15; два нечетных номера — чиса вечно кружащихся вокруг инх электронов.

Всюду они нзбегают друг друга, всюду расходятся их путн, — в глубинах ли магм земиых недр, на земиой ли поверхиости, в технике ли человека.

Только нздалн переглядываются в Потнйском порту черные и белые конусы — их судьбы различим в историн природы и человечества: номер 25 — друг номера 26, железа, металла войны; номер 15 — друг номера 19, калия, атома жизии, мирного роста природы...

Долго-долго с палубы уходящего в Батуми теплохода следям мы за этими двумя картинами, и великие законы природы сливаются в воображении в одну старую и вечию поную сказку. — в ией иет начала и нет конца, а естъ лишь вечная смена борьбы и покоя, исканий и отступлений, войны и мира, жизни и смерти. Чайки своими белыми крыльями почти задевают нас; мерио и уверению работают машиим теплохода, тихие синие водны с бельми гробешками бетут из восток...

ПІ. СААМСКАЯ КРОВЬ

Мой отряд ушел далеко на восток, в инзовья Тульи; там готовят нам переправу в Ловозерские тундры, чинят карбас, собирают сведення у Петра Галкина, поджидают погоду.

Я спешу один догнать отряд; дорога до Кунявра хорошо знакома, а там, на берегу Малого озера, я должен встретить нашу старую знакомую — саами Аннушку — и с ней пойти дальше через перевал Аявайока на реку Тулью. В лесу, вдоль склонов Путеличорра, види наши зарубки, по ини насшь так лего и уверецно. Налево маячит гладь Большого уверецно. Налево маячит гладь Большого Кунявра, справа высятся обрывы Хибинских

тундо.

Солнце начинает безжалостио пригревать, какая-то усталость тяготит все тело, - очевидно простуднася в дороге, - мешок за плечами тянет к земле, а десять-пятнадцать километров пути кажутся целой сотией.

Иду как-то неуверенно, утомленно, только зарубки подбадонвают и заставляют быть постоянно начеку. Вот известиый мне поворот влево, потом опрокничтая старая сосна, не ошнбись! Снова зарубка справа, потом шесть зарубок прямо, ну, а дальше очень просто коутой поворот налево к бурной реке, а на ней челнок, выдолбленный из ствола.

Все в порядке! Вот она и река, вот и челнок, а на том берегу стонт сама Аннушка, машет руками и готовится к переправе.

 Заждалась я второй день, уж чего случилось? — затараторила она, поворачивая ловким движением чели к левому берегу реки.

 Я, вндишь, немного заболел дорогой, пойдем скорее в вежу и попьем горячего чаю.

Мы пошан нарядным сосновым леском к знакомому месту допарской вежн, вернее шалаша-куваксы — из жердей, перекрытого старыми, рваными мешками и чем-то, что было раньше брезентом. Снизу от ветра шалаш был защищен ветками елки и обложен мхом, посредние горел отонь, застилавший своим дымом верх вежи и медленно выходивший чеоез отвесотие извесх;

Меня сильно знобило, и я лег у огня, поджидая кипяток. Вечерело, по вечера и ночи были еще светлые, сверные, полярные, только отдельные яркие звезды загорались на востоке, чтобы скоро погаснуть в лучах утренней заок.

 Вот, попей чайку и закуси рыбкой, что я тебе на палочке по-лопски зажарила, а потом, пока не заснешь, я тебе буду рассказывать наши лопские сказки.

 Ну, ладно, только подложи огия, а то холодно.

 — А ты закройся оленьей шкурой, — сказала она, бросив мие на иоги старую шкуру. И начала свой рассказ:

— Так вот, слушай. Это было даяво-дальо, когда меня еще не быдо, не было в Василья Васильевича, что пасет оленей на Малом овере, не было в старика Архипова на Мончетубе; очень даяво это было. Нашла на нашу земмю чужие люди, сказывали — шветм, а мы лопь были, явк лопь, — голая, без оружия,

даже без дробников, и иожи-то ие у всех были. Да и драться мы не хотели. Но шветы стали отбірать быков и важенок, заняли иаши рыбіви места, понастроили загонов и лемм— некуда стало лопи деться. И вот собрались старики и стали думать, как изгнать швета, а он крепий был такой.— большой, с ружьями отнестредыными. Посоветовались, поспорили и решина пойти все вместе против иего, отобрать наших оленей и снова сесть на Сейтэвря и Умоозеро.

И пошли они настоящей войной — кто с дообинком, кто просто с ножом, пошли все им шветом, а швет был сильный и не боядся лопи. Сначала он хитростью заманил на сейтоявря нашу лопь и стал ее гам крошить. Направо ударит — так не было десяти наших, и каплями крови забрызгали все гори, тундры да хибиных надело ударит — так снова не было десяти наших, и спова капли крови лопской разбрызгались по тундрам.

Ты ведь знаешь, сам мие показывал, такой красный камень в горах — это ведь и есть та самая кровь лопская, кровь старых саамов.

Но осерчали наши старики, как увидели, что швет стал крошить их, спрятались в тальнике, пособрались с силами и все сразу обло-

жили со всех сторон швета; он туда, сюда—
инкуда ему прохода нет: ин к Сейтъявру спуститься, ин иа тундру вълезти; так он и
застъл на скале, что над озером висит. Тъ,
когда будещь на Сейтъявре, сам увидншь великана Куйву, — вто и есть тот швет, что
наши саами распластали на камие, наши старики, когда войной на него пошла.

Так ои там и остался, Куйва проклятый, а наши старики снова завладели быками и важенками, снова сели иа рыбън места и стали промышлять...

Только вот красиме капли саамской крови остались на тундрах, всех их не соберешь, миого их пролили наши старики, пока Куйву осилили...

И вдруг, увидев, что я засыпаю под ее иесколько путаный рассказ, Аииушка остановилась и неожиданно спросила меия:

— А сколько у тебя там дома быков? — У меня? У меня нет олечей.

Она иедоверчиво покачала головой и стала подбрасывать ветки в потухавший костер. На следующий день мы с исй пошли на Умбозеро и к вечеру были на берегу, где нас иетерпеливо ждал отряд, готовый к переправе на Ловозеские тумдов. Мы ласково посети на Ловозеские тумдов. Мы ласково постились с Аннушкой, а она на прощанье повторила:
— Не забудь на Сейтъявре посмотреть на

Куйву, он страшный-страшный. Но нас интересовал не сам Куйва, а рассеянные в тундре капли саамской крови, того замечательного красного камия Хибинских и Ловозерских тундр, имя которому эвдиалит.

И нет ему равного во всем мире, как нет ничего дороже крови человеческой, пролитой за свободу и жизиь.

IV. АЛЕБАСТР

 Белый-белый, как ваш сибирский хлеб, цистый, как сахар или лучшая русская мука для макарон, — таким должен быть алебастр, — говорил мие маленький быстрый итальянец, показывая бесформенные куски белого камия в своей художественной мастерской.

Мы — в Вольтерре, угрюмой, нависшей на скалах крепости старой Этрурии, в центре художественной обработки алебастра. Этот камень находят неправильными глыбами, величиною с голову человека, среди серо-зеленых глям безводной втальянской Мареммы, очнщают от породы и чистые куски, без трещинок и жилок, целыми возами, запряженными мулами, отправляют по пыльной дороге наверх в Вольтерру.

Здесь больше 2 тысяч лет тому назад зароднлось замечательное искусство обработки этого мягкого белого камня. Ножом, скребком, сверлом, пилочкой, мягкими деревянными палочками быстро и верно обрабатывается алебасто, и на ваших глазах из бесфооменного желвака вырастает каррарский бык, задум-

чивый ослик или фигурка девочки.

Тихо поют мастера, что-то приговаривают другне, то вдруг раздается веселая общая песнь, подхватываемая десятками молодых голосов, Яркое южное небо, ослепительное солице, вдали сверкает полоска Средиземного моря, где-то в дымке тумана, на севере, лежит Пиза, на востоке, за голыми безжизненными хребтами - Сненна с ее желтыми солнечными мраморами.

Город застыл в своем XV веке, когда, залитый кровью гражданской борьбы, он ожесточенно бился за свободу, против Лоренцо Медичи; огромные камин скатывались сверху, осаждавших обливали кипящим маслом, сбрасывали с коуч поиставных лестинц... чтобы потом город оказался почти целиком вырезанным потерявшими человеческий облик победителями.

Как будто бы вастыл с тех пор свободолоонвый город: тихо раздаются песии приезжих крестьяи, тихо отбивают такт колеса машии, режущих мрамор и алебастр на тонкие пластники. Ма столетия в столетие передаются старые приемы и старая техника. Кажется, пс. жинет и алишта зассь XV веком.

 Пойдемте вииз, туда, где свершалось правосудие.

По стертым лестинцам в полумраке фонара сиркались мы в подземелье; врачиме свой как бы секникали нас со всех сторои. Мраморный пол был застлан мягким ковром, большой стол и удобные кресла стояли в одном углу. Во мрак сводов уходили коридоры подземельв.

Здесь творился суд.

По углам, около стола на больших постаментах стояли вазы из просвечивающего алебастра.

— В иих горели свечи, — сказал провод-

иик, предупредив мой вопрос, — я вам сейчае покажу. — И он поставна свою свечу внутрь одной из ваз-светильников. Ровный, мягкий свет разлился вокруг, нервно и судорожию трепетал свет свечи, безжизненными казались

наши лица, словно лица мертвецов.

И вдруг в увидел картину правосудия! Судыв в черных балаковах, с черими капошовами на голове, и перед инми трепещущий, бессильный отступник. От чего отощел ов в своем преступном богохульстве? Какие иден посмел оп высказать в нарушение священного слова? Отказывается он сейчас от этих своих слов? Или же там, в утлу подземсья, при свете двух факслов пытки ваставит его отказаться и назвать имена тех, кто с ими?

Мертвенный свет алебастровой лампы скрывает мертвенность его лица, его борьбу с самим собой, борьбу физических страданий

с глубокой верой в свою правоту.

Безжизиенно белы лица судей в черных капющонах, дрожат на них отблески колеблющегося пламени свечи в алебастровом светильнике.

Это был священный трибунал Санто-Оффицио — инквизиции.

Гатчинский дворец. Ночь. Все входы и выходы заияты верными караулами, и еще более верные гренадеры занимают внутренние двери апартаментов царя Павла.

двери апартаментов цваря Павла. Все повержено в полумрак. Только по углам больших зал дворца горят одинокие сечи в высоких алебастроных вазах. Дрожит мяткий луиный свет в зеркалах и на блеста-щем паркете. Мертвенная тишина отвечает мертвенным бликам алебастровых ваз. А они просъечивают каким-то исземным сизинием: вот пробегает через камень желтенькая жилка, вот какое-то пятнышко нарушает общий белесый тон камня. Казалось, вся душа камня, все его содержание пронизано и пропитано было мерцающим луиным светом. Медленио, с военной выправкой, по полу-

темным апартаментам идет император. Его лицо бледио, как у мертвеца. Он останавливается, тихо прислушивается и снова идет проверять часовых. Все в порядке. В изиеможении от непонятного страха и гнева садится он на трон большого зала, где итальянские алебастровые вазы проливают загадочный лунный свет на штофиые покрывала царского трона.

Веселые западные склоны Урала. Приветчерез нее, как полагается, сломанный мост, а по обоим берегам вольно раскниулась деревняя, с двумя широкими улицами и непролавной грязью. Всюду весна, тепло, хорошо, скоро новое лего и новый уромай.

Так рисовалась нам старая русская уральская деревия, старое ямщицкое село Покровское. Здесь жили кустари, работающие по камию. Здесь вытачивались к пасхе золотистые яйца из селенита. Здесь из алебастра вырезались зверьки, пепельницы, чернильницы, стаканчики, слоны, уточки, змен, древние челиы, пресспапье да всякие безделушки. Ктосам дома, у себя на дворе, обтачивает камень и не хочет итти ии в «кумпанство» артели, ни в «казенную», кто работает на земство в его мастерской. — камия в горе миого: и алебастра — белого и желтоватого, и селенита — не то золотистого, не то луниого, н даже синеватого ангидрита, чуть-чугь более твердого, чем гипс, но слегка просвечивающего.

Летом ие до камия! Пахота, выгон скота, сенокосы, уборка жлеба, — а вот с осени, в длиниые вечера, под лучинку или под керосиновую лампу с обитым стеклом, — вот тогда за работу!

 Вырежем мы камень да отнесем его отцу Вахромею, он горазд красками его разу-

коасить.

И растут букеты роз на бело-серой черинльинде, на пасхальное яйцо наиосится проивениюе сердце, а на слоника — маленький цветочек иезабудки с двумя листочками.

— Зачем? — спрашиваем мы. — Так веселее, да и товар ходчее.

Из года в год, десятки и сотии лет по старинке жили люди, по старинке работали, по старинке думали, по старинке... спали...

Это были годы до потрясений войны, до революции.

революции

Я кончил свой рассказ. Что хотел я им сказать? Я просто хотел нарисовать несколько судеб камия в прошлом человеческой истории.

И когда сейчас я вхожу в удобную гостиинцу «Москва» и вижу под потолком нежиме алебастровые люстры, мягко и веседо отбрасывающие лучи на потолок, я просто вспоминаю эти отдельные каотивки поошлого. А тем, кто не знает, что такое алебастр, я посоветую прочесть о нем в учебнике минералогии. где сказано примерно так:

«Алебастр — мелкозернистая разновидность гипса разного цвета, преимущественно чисто бедого, встречается в Италии, на Водге, на западном склоне Урала и во миогих других местах. Используется как мягкий декоративный камень».

V. В ОГНЕ ВУАКАНА

Как-то раз вечером, в порыве откровенности, он расскавал или историю одной своей встречи, странијую и страшную историю, которой мы сначала ие поверила. А потомогла увидели, как переживал он прошлос, расскаваная о нем, должны были поверить сму.

Я был молодым кончающим студентом, уваекался геологией, и меня, жителя равнии, привыкшего к бесконечным осадкам морей и некогда могучих ледников, уваекали вулкаим, расплавлениме лавы, извержения, глубийы земли; я весь горёл мечтой попасть на иастоящий вудкан, хотя бы и потуший, но вудкан, который когда-то наводил ужас своним взрывами, нэверженнями горячих паров, пепаа. дая.

— Поезмайте в Крым на Карадаг, — с легкой усмешкой сказад мне профессор, — Я вижу, вы так увлекаетсь вужаническими породами, того вым надо поехать посмотреть хотя бы древнеорские вужания Крыма. Поезкайте, соберите нам образцы пород и мнералов... а мы вым поможем денежно, — прибавил он изкат-с засстечиво, и ем жела усмещано, вопросы науки смешнвать с вопросами боенцого метальа.

И я поеха, но поехал не один. Еще зним я увлек своими рассказами о вуканах молодую курсистку. Исторических курсов, которой в сторичеством доказывал, что единственная история смой Земли, ибо с нее все начинается и на ней все коичается. Шу-рочка очень винмательной образи, в поеха в поех

Забрали с собой кинги, ученые и исученые, о Крыме; тут был и старый томик в кожаном переплете — Дюбуа, сто, лет тому назад мастерски описавшего природу Крыма,
были и солесм иолые научные кинги о вухлане Карадаге, о его зеленых трассах, о коктебельских камешках. В поезде я усилению читал
с молодым пафосом Шурочке отдельные страницы из этих кинг, с грехом пополам переводим старика Дюбуа де Монтерре, и все шло
хорошо-хорошо, так весело, молодо и беззабготио.

Шурочка была прекрасиым спутинком, быстро вошла в роль «заведующего снабжением», даже слишком была разумной и расчетливой. «Шурочка, Щурочка, не будь такой умной». — смеясь, говоры я ей.

Мы решили выйти на станции Сарыголь, не доезжая до Феодосии, пешком протит через поля в Старый Крым, а оттуда через хреет прямо сверху свалиться на Карадат, так интереснее, думали мы, наметив этот пришли в Старый Крым, заночевали в буковом лесу у старого армянского монастыря, вымкая аромат лутов Крымской Яйлы, неожиданно увиделья снеме беоресние моро, вин-

3*

зу — громаду Карадага, а слева, у белой линин морского прибоя, несколько маленьких домиков — Коктебель.

Ну, словом совсем как писал Пушкии о берегах Тавриды:

> Вы мне предстали в блеске брачном: На небе синем и прозрачном Сияли груды ваших гор, Долин, деревьев. сел узор Разостлан был передо мною...

Мы всело скользили вниз по шуршащим старым дистрым под звелеными буками, взявшись, как дети, за руки, сбетали по каменыстым дорожкам, через виноградинки, табачные плантации, мимо саклей, домиков, хибарок; море все опускалось потускалось перед нами, а Карадаг вырастал грозной черной массой.

Ну, вот в Коктебель! Вот приветливый берег с мягким гулом леннво набегающих волн. Вот там поставим мы нашу палатку и утром и вечером будем смотреть на грозный, настоящий вулкан!

Сначала мы даже как-то разленились: вышли на берег моря, легли у убегающих и иежно журугащих по камешкам воли и... за-

разились, да, заразились той болезнью, которой болеют все в Коктебеле, особенио после грозных бурь, когда громадные пенистые валы приносят на берег сотии, тысячи, миллионы прекрасных коктебельских камешков. И мы лежали часами, не скрою — диями на животиках, хвастаясь своими находками и бережно собирая в носовой платок один камешек лучше другого. А потом, вечером, в нашей палатке, при свете где-то раздобытой коптящей лампы, мы разбирали наши сокровища: вот розовые и пестрые агаты с витиеватыми рисунками, вот зеленые яшмы с пестрыми пятиами, ведь это подводиме лавы каких-то страшиых извержений морских глубии, вот кусочек окремиелого коралла — свидетеля грандиозных катастроф подводных вулканов, вот мягкие пеолиты, которые рассказывали иам о тех горячих источниках, которые вытекали из вулкана, когда уже затихли скованиые в недрах силы. Горящими глазами смотрела на эти камии

Порящими глазами свотреда на эти памии шурочка; какое-то мие раньше незнакомов выражение глаз и незнакомая интонация немного дрожащего голоса говорили, что ка мень взял ее за живое, что в ней проснулись какие-то новые нотки, не знаю, как сказать, — пожалуй, нотки страсти, чего-то тако-го, что даже немного задело меня.

Но это было мимолетное выражение и мимолетный блеск глаз, и я продолжал с увлечением рассказывать е й о вельких законах магм, кплащих в неведомых глубинах, о том, что все наши материки, наша большая и твердая земля не что иное, как острова на расплавленном океане вот такой именно лавы, из которой и наш Карадат.

. . .

Мы взяли лодку и отправились в Сердоликовую бухточку, зажатую между нависшими вулканическими скалами.

— Отсюда мы должны начать наши работы, — говорил я. — Подымемся выше по крутому и дикому ущелью Гауробаха, где мы должны отыскать старое жерло вулкана, которого не нашел сам академик Левиисои.

Мы легко выпрыгнулн на берег, отправили лодку с греком-рыбаком обратно, приладили свои рюкзаки с продовольствием и фляги с волой и началь.

Налево, в десяти метрах над нависшей скалой мы открыли первую жилку розового агата. О, как веселилась Шурочка, отбивая молотком острые и твердые куски этого камня! С шумом летели ввиз осколяк, а море было такое тихое, спокойное, покорное, лучезарное, как небо ная наме.

Но жилка агата тянулась вверх. Вот разошлясь ее стенки, на розовом и голубовато-зе леном агате показальне кристалляни горного крусталя, потом какие-то иголочки с перламутровым блеском — целый пучок.

- Вот это настоящая жила, говорил я Шурочке, которая, забыв о круче, ухватившись одной рукой за выступ скалы, другой усиленно выбивала кристаллики.
- Будь осторожна, говорил я ей, но камень заворожил ее,
- Оставь, оставь, вот там, смотри, повыше — жилка еще прекраснее, какой-то иежнозеленый халцедои, как бархатом, выстилает всю жилу, а там дальше, нет, подожди, не мешай...

И снова в ее главах я увидел все то же незнакомое выражение, но теперь это не была искорка, а отонь азарта, о котором я раньше только читал в расскавах о рулетке Монте-Карло. Да, в ней проснулся какой-то огонь

страсти. Страшиая искра игрока, для которого иет ничего, кроме выигрыша и победы...

«Ну нет, глупости, — успоканвал я себя, — она просто еще молода и не-

А Шурочка, смелыми, резкими движениями цепляясь за камин, лезла все выше.

— Ура! — кричала она сверху. — Вот в щелке какой-то красный камень, красные кристаллики сидят на зеленом халдедоне, а там дальше большие кристаллы белого кальщита. А жила, жила тяпется все выше, все шире, все прекрасне! — кричала она мне, но я в ее словах слашам уже только голос эзарта, голос охотника, игрока. Я видел, как горели ее глаза, как она сбрасивала дрожи дей от волино, как она сбрасивала дрожи упочино, как прижалась она, как белая баточка, к раскалениму утесу всем своим телом, стараясь удержаться на заколебавшейся скале.

А дальше я инчего не помию... Кроме острого крика, шума падающих каменных глыб, плеска воды и потом — мертвой, мертвой тишины... ...Ее тело мы нашли только через три дия, оно прибито было волиами на прекрасную гальку Сердоликовой бухты.

С тех пор я инкого не беру на поиски камия.

VI. БЕЛОМОРИТ

Там, тде Белое море своини бельни топами сливается во светлым, бескрасочным иебом, там, тде вся природа проинкнута бельми ичами Севера, — там родился беломорит, этот луино-загадочный, мерцазощий камень. Нет, он не родился там, — это мы его там придумали!

Рано утром, хорошо выспавшись в мягком вагопе, мы с Николаем Александровичем вышли на станции Полярный Круг, поправили свон рюкзаки, подтянули брюки, затянули ремешки высоких сапог и пошан на «Синюю Палу».

Тропка вилась болотами, котя Николай Александрович уверял, что пути всего часа два-трн, что болот почтн нет, а дорога хоро-

шая, чуть что не шоссе!

Но мне соазу что-то не повернаось. Тоопка, правда, была нахоженная, но мокрая, топкая, земля только что оттаяла, болота едва начинали покомваться пушком, а тоопка... а ну ее, эту проклятую тропку. - нога тонула в мягком болотнетом мху, с усилием приходилось ее вытаскивать, чтобы снова утопать доугой ногой.

Вот болотистая речонка, никак не знаешь, где перейтн.

Не то по сваленному дереву, не то цирку-

лем в обход, а вода уже давно хлюпает в высоких сапогах. — Я вам говорна, — уверенно журнт меня Николай. — нечего было надевать высокие

сапоги, тут лучше просто в туфельках, все равно мокро и скользко.

Прошло два часа, мелькают какне-то озера, или это болотца, или заливы Белого моря — не знаю, да и знать не желаю: устал. а мошка и комарье начинают виться вокруг. Опустишь накомарник — душно, жарко, пот так и капает, откроешь — кусаются, чертн... А тропка все вьется по мяткому мку лесов да перелесков, между вараками, через вараки, вокоут валожов. — да скоро лн?

 Скоро, — кратко отвечает Николай. Он тоже устал, но не кочет в этом сознаться. —

А впрочем, вои и казарма.

Взаправду, совсем близко — избушка, кузница, новый барак, а дальше, на склоие невысокой вараки, белеют камин, штабеля — словом, пришли: «Синяя Пала».

Сразу даже стало легче ногам, и мох показался не таким топким, и вода меньше ста-

ла жлюпать в левом сапоге.

 Ну нет, подождите, — сказал методически Николай, — сначала закусим, попросим кипятку в чайничке, потом пойдем на жилу.

Это не совсем было в монх привычках, но он говорна правильно. Сели, закусили, выпили чайку, аккуратиенько уложнам все снова в мешок и только потом пошли на жилу.

Среди темных амфиболовых сланцев лежала белоснежная жила, она растянулась свободно на целых десять метров, высоко вздымалась на вершнну варакн, уходила своими бельми ветвями в темный камень сланцевых пород.

Николай, как опытный следопыт, сразу напал на ранее открытые им замечательные минералы; уже целая коллекция прекрасных штуфов лежала около его мешка, а он упорно, шаг за шагом, маленьким молоточком отбивал все новые и новые обоазыь.

А я сел около штабеля сложенного к отправке полевого шпата, посмотрел внимательно на него и больше не смог от него отвести своих глаз, — это был бельй, едва спневатый камень, едва просъечвыяющий, едва проэрачный, но чистый и ровный, как хорошо выглаженная ксатерть.

По отдельным блестящим поверхностям раскалывался камень, и на этих граних играл какой-то таниственный свет. Это были нежиме синевато-веление, едва заметные перелявы, только изредка вспыхивала они красповатым огольком, но обычно стлошной загадочный хунный свет заливал весь камень, и шел этот свет откуда-то из глубним камия, — ну так, как горит синим светом Черное море в осенние вечера под Севастополем.

Нежный рисунок камия из каких-то тонких полосочек пересекал его в нескольких направлениях, как бы налагая таниствениую решетку на исходящие из глубин лучи.

Я собирал, отбирал, любовался и снова поворачивал на солице лунный камень. Так

прошло много часов.

— Ну, теперь хватит, наработались, не без привычки к команде сказал мой спутник. — Пойдем на вершину вараян, там полюбуемся Бельм морем, закусим бутербродами — и домой!

Быстро подиялись мы на оголенную перкамень, — нет, не камень, а Велое море с тем же синевато-веленым отлином, сливавшимся с таким же синеватым горизонтом такого же серого, туманного, но вскристого неба, Захоащие лучи солнца вногра подинмам из глубин какие-то красиоватые огоньки; синева деса была подернута нее той же полярной дымкой, без которой нет нашего Севера и его ковсот.

Белое море отливало цветами лунного камня... или камень отоажал бледноснине глубины Белого моря?.. Мы назвали наш полевой шпат беломоритом и отвезля его на Петергофскую гранильную фабрику как новый поделочный камень нашей страны.

VII. ПО ГРИБЫ

Знаете ли вы, как собирают грибы? Если не знаете, то обязательно прочтите мой рассказ, а если знаете... то все же прочтите, может быть кое-что исправите или пополиите, ла мие напишите.

Конечно, набрать грибов — это совсем не всю на стол, все вместе, в общей каше: в сомятьсе может в собранну да вывальть ее всю на стол, все вместе, в общей каше: в сомятые мокрые подберезовики, н оборванные можи рыжиков, в смятрые переборочки волнушек. Нет, иабрать грибов — это значит с толком н с расстановкой их уложить еще в лесу в корзинку н аккуратию выхомить до-

ма на стол: серо-зеленые шляпки рыжиков вместе — для салата со сметаной; мокроватые подберезовики для супа — отдельно: ну, а есля посчастливилось найти белые грябы, то их вадо принести осторожию в плати на поставить так во всей их красе и гордости, даже с куссумами нежилого мла...

Вы не смейтесь! Это дело серьезное, но еще серьезнее само хождение по грибы: эдесь надо быть большим спецом, надо учиться этой науке — грибособиранию, или, по-ученому, функохластология.

Ведь там, где вырублена просека березового леса, там инчего, кроме сузил подберезовиков да разве что волнушек, не найдешь. Вот поближе к речке, где больше осины стоят, там сейчае на солышите растут красиые шапочки подосиновиков, а на старой дороге, по обочинам, в весенией колее замника и сосбенно около канавы или рытвивы с водой, там, где посырее, — там царство рыжиков; их сразу не заметишь: они, черти, рыжие только синзу, а сверху какие-то мокро-зесные, серые, ну, как сама заросшая дорога, — видимо, прячутся от фунгоколлекциофилов.

Но главная тайна нашей науки нэложена

в последией ее главе: как в где вскать белый гриб? Там об этом маписаю целях дваддать страниц. Умел же свой секрет. Надо пойти в старый еловый лес, в этом лесу поискать место, где подлесния сковоэ мох пробивается, чтобы травы бы не было, а такой сплощной зеленияй, мягкий, но сухой мох, — вот там осторожию подыми ветки елки да пошарь рукой под мягким мхом; обязательно найдешь крепкого красавца бороменка... комечно, если там грибное место, а если не грибное, то ничего не найдешь!

Надо только с любовью да думаючи собнрать грибы, и тогда они у тебя в корзинке.

А знаете ли вы, как надо собирать камни, консталлы, минералы, образцы руд?

Это совсем не значит — отдомать грубым молотком два-три куска, положить вх в мешок, свалить потом их в лидик, в городе вывуть обтертые и запиленные образцы вы мешка, маложить горой их ва лоток, на него поставить второй, так целым штабелем... ябо в шкафу нет места.

 Да что вы делаете, милый друг, ведь вы безбожно обломали замечательный кристалл берилла! Теперь даже не разберешь — не то кварц, не то прозрачный воробъевит. Ла можно ля так!..

 А вы что думаете. — начинает герой оправдываться, - легко их было везти? Мы ведь с самых круч Бартанга должны были камни тащить на своей спине, а бумаги, знаете. не было, а потом двести километоов веобаюдами, в куржумах, там сеном перевоживи. а потом автомобилем тоже сотни километров, вы что думаете - по асфальту везли, как пирожные с кремом из кондитерской в Москве, — вот камни и обились. Нет, это вам корошо критиковать. Да ничего, мы помоем их шеткой, разобъем, следаем шлифы... Это еще ничего, а вот когда мы в прошлом году собован коллекцию нежнейших пеолитов-таких волосистых кристалликов с красными головками, так, знаете, от них ничего не осталось, все в муку превратилось: ну и выбросили.

С растущим ужасом слушал я слова гео-

— Ну, а как же вы будете их изучать? Ведь надо же измерить кристаллы, определить относительный возраст минералов. Так ведь вы в этих обломках инчего не поймете. Только тонкий химический и кри-

стальохимический авалия помогает разобраться в сьожных процессах кристальназции, в законах роста этих некогда прекрасимых образований. Ведь истинные законы — велиние законы природы — обычно начинаются за третым десатичным знаком, — в тонких мелочах строения, в неудовных чертах дица скрытым строения, в неудовных чертах дица скрытым смотреться, вдуматься в каждый камень, и он сам расскажет тебе без шлифов и подкроко о своем прошлом. Ты только к иему присмотринсь, так дюбовно и думаючи!

. . .

— Видящь, смотря! — показывал мие горщик Лобачев кусочек редчайшего хиолита на Ильменской копи. — Вот видишь ты, тоиенькая розовая полосочка, что лежит между шпатом в леденцом, — это, значит, будет хиолит, по-вашему; а есля нет полосы, то самый настоящий криолит, он на зубах потверже, скользкий такой, как кусочек льда, а хнолит — тот рассычатый, крустит под зубом. Так поучал меня Андрей Лобачев, этот

Так поучал меня Аидрей Лобачев, этот неграмотный миасский горщик, всю свою жизиь положивший горам и камию.

А через несколько лет в трактате датского

минералога об наьменском криолите я нашел почти все эти описания медочей строения кралагадку тайим рождения этого дединого камия в горах Южного Урада. Тончайшие налодения, достойные самых ведиких ученых натуралистов, рождались в простой, бескитростной дуще горщика, всю жизыко — тажелую и голодиую жизико — проведшего на колах, в мокрых дудках Мураники, на отвадах Шишимских копей или в Ильменском десу. Десятия дет глаз привыкал к тем едва удожвимы сочетаниям цвета, формы, рисунка, блеска, которых недъя и описать, ин и арисовать, ин высказать, но которые дая горщика были ненарушимами законами природы. — На Конвой, там школа с митким законами природы.

ником, она только легко прикипелася к шпату, а на Мокруше сидит глубже, как треппами у гранильщика, и не оторвать се оттуда, да и блеск, знаешь, на Кривой зеленый, что стоячая вода, а на Мокруше — иссиня-черный, как воромые перо, только ие с крыла,

а с хвоста вороны.

И вспомнились мие эти уроки старых горщиков, любивших камень на горе, сродинвшихся с его тайнами, умевших в своих мозолистых, грубых руках бережно отнести домой штуф с тяжеловесом, кристаллы тумпаза с шляпкой и иглами ширлы.

Вы, творцы толстых фолнантов, написанных в кабинете, о происхождении цинковых руд или о свойствах тысячи шлифов эмесвика, уместе ли вы так любить и ценить камень? Поияли ли вы, в разговоре с ним наедине, его язык, разгадали ли вы тайны пестрого наряда его кристаллов, таниственного созвучня его красок, блеска, фом?

Нет, если вы не любите камия, если вы не любите камия, если вы не понимаете его там, в самой горе, в забое, если не уместе в самой природе тать закоми природе от тать закоми промлого, которые рождают его будуще, го мертвыми останутся все выпарать учученые городовать в сесторые ображениями, будут лежать бывшие камии в ващих шкафах.

Лучше тогда оставьте их... и займитесь фунгоко длегодогней!

VIII TESTA NEDA

Знаменитые пегматитовые жилы Монте-Капаниы на острове Эльбе лежат где-то в лесистом овраге между Сант-Илларио и Сан-Пиетро-ии-Кампо.

Быд жаркий июльский день; мие не хотеосъ подигнаться по крутым каменистым тропникам до самого Пиетро — деревушки, высоко висящей на склонах гранитного массива. Я решил пойти в Илларио и там поискать какого-инбудь старика, который проведет меня по горими тропам в Гротта-Должи, замечательные самощветы которой которой так широко известны минералогам всего миоа.

Я не ошибся. Уже входя в деревню, приветанво ульбавшуюся мне среди виноградинков, я увидел, что здесь ценят и умеют любить камены: в каменных заборах осторожно и любовно вставлены были глыбы негматитов с «щетками» полевого шпата и кварца, а в одном доме, у входя, в ощтукатуренную стену был замурован обломок жилы с красивым розовым туомалиюм.

Я постучался, кое-как на своем доманом нтальянском языке сговорился со стариком, хозянном дома, и мы пошли.

Скоро по камням, обрамлявшим узкую гропу, я смог догадаться, что мы приближаемся к Гротта-Додики: глава уже разбетались при виде кусков письменного гранита с большими длинными копьями черной слоям.

Но вот и Гротта-Доджи. Несколько рабочим дениво быто тверстие для шпура; огромные отвалы загромождают узкое ущелье, на брезенте лежат отобраниые штуфы редких минералов.

Кто нз минералогов не знает замечательных образцов нз этой копи — кристаллов плоского розового берилла. Влестящего серого полекого пшата, редчайних цеольтов и, наконец, самой большой ценности — кусочков как бы обсосаниют самого поллукса! Этот камевь — единетвенное в мире сосливение редчайшего металла цезия, и его иевамениям стутником в кони является цеолит, по прозванию кастор. Самым замечательным минералом в этой кони был турмалии, кристаллики которого были окращены в самые разнообразыке цвета — зеленые, желтые, бурме, голубые, но красивее всес были большие прозрачные камни с нежнорозовыми головками, ими можно было любоваться в музее университета в Пазе.

Я усиленио собирал образцы пород и минералов, но мие инкак и се удавалось найти котя бы маленький турмалии с розовой головкой; с черными концами кристаллики дежали в изобилии на брезенте рабочих, а розовых ие было.

Я сказал о своем желании старику. Тот угрюмо посмотрел на меня.

(1 110 1011)

[—] Разве ты не знаешь, что здесь нет больше розовых головок?
— А почему?

 Ну, слушай, если хочешь, я тебе расскажу...

 Только, пожалуйста, помедленнее, а то я плохо знаю ваш тосканский язык, хотя и

учился в гимназии по-датыни. — Так вот, был у нас в деревне, это было давно, парень Ферручио Челлери. С детства возился он с камиями. Собирал опалы в зеленом камие из-под Илларио, гдето нашел аметисты и желто-бурые гранаты, а потом как-то набрел и на розовый турмаанн. Целыми днями он шарна между Иллаоно и Сан-Пиетоо-нн-Кампо, отбивал камни. смотрел под корни деревьев, ползал по самому оучью н. наконец, нашел турмалиновую жилу. Все свои силы, деньги, время, всю душу отдал он своей Гротта-Доджи, как он ее нежно назвал. Лето и осень, даже греясь в зимние колода у костра, он работал на жиле, и чудные камни, о которых мы больше не можем и мечтать, бережно он выносил к себе в деревню.

Слава о самоцветах пошла по острову.

И вот в один весенний день Ферручио, придя на свою жилу, увидел там двух карабинеров, знаешь, с петушиными перьями и голове. Они грубо сказали ему, чтобы он убирался, так как земля не его, а принадлежит Дельбуоно, в отныне сам барии Дельбуоно будет добывать камии в Гротта-Ложжи.

Да, это было верию. Земля помещика Дельбуюно клином врезалась между Илларию в Сан-Пнетро-ин-Кампо, а ты ведь слашал о Дельбуюно, — это он купил дворец у Демидовых — Сан-Донато, там, где жил сам ниператор Наполеон. Это он осквериил память велякого коресиканца, построив перед самым двордом завод для шампанского! С ним бороться нельзя было. Весь бледияй, шатающийся, вериулся к себе домой Ферручно. Потом прошло неколько диё, что-то иччего не слышно было о нем, и лишь, как сейчас помню, в самую вербойую с убботу рыбаки принесли его тело с южного берега Монте-Капанны.

Пошел ля он с горя некать сверкающие, ка кали роски, кристалым горного хрусталя, да оступнася, нан котел отбить куски той зеленой гранатной змейки, что въется между гранитом и чипполниями у мыса Паломбайя.— инкто этого ие знает.

Только похоронили мы Ферручио в ограде церкви Сан-Пиетро и на его могилу положили большой белый кусок породы из Гротта-Доджи: хорошего штуфа с кристаллами Лельбуоно иам не дал!

- А на жиле начал работать Дельбуоно: оп привев машним, наим много рабочих, разворотна, как видишь, целую гору, но розовых турмалинов с розовой головкой больше не было.. А вместо них, рассказывают рабочие, выросли на турмалинах чериме головки, знашь, эти моилатме, некрасивые камин с черимми грауримин головками Тезfа пета, как назвали их наши горщики. А розовых камией так больше и не было! прибавил старик и замолчал.
- Что же, как кочешь, верь или верь сказал он немного погода, уловив, очевидано, на моик губах улмбиу сомнения.— Не верь, а вот у вас, русских, есть говорят, еще более диковинный камень. Когда в Рио-Марину пришел лет пять тому назад русский пароход с мукой, то один инглезе с парохода рассказывал в кофейне, знаешь, что на углу Вна-Тарибальди у переулочка Фраскатти, почти у пристани, что у иих в России есть такой камень: дием от влееный, всеслый, чистый, а как прикодит вечер, заливается кровью, красным расатств: не то кто-то убих кого, не

то... не знаю, но кровь каждый вечер выступает в этом камне. Кажется, его у вас называют александритом. Это еще диковиниее, и Джузеппе из кофейии в Рио-Марине клянется святой девой, что это правда!

Я модчал н не отвечал на немой вопрос; стал бережно, особенно винмательно заворачивать образцы в бумагу и укладывать в свой рокзак.

ІХ. ЛЮДИ КАМНЯ

Я проходил мимо людей; меня называли часто сухим, бесчувственным. Годы шли, лучшие молодые годы, а люди оставались как-то вие моего жизиенного путн...

Камень владел миою, монин мислами, кесаниями, даже спавим. Какая-то детская любовь к камию, красивому, чистенькому кристаллу с аккуратию наклеенным померком и читегнькой этиксткой; потом юношеские увлечения красотою камия. И много лет алмаз в тысачах, десятках тысяч каратов проходил перед можик глазами, заворожив меня своим серекающим блеском, в законы его рождения казались мне ведичайшими тайнами мира; на смену адмазу пришло увлечение яквамарином, горным хрустадем, топазом в пегматитовых жидах Задьбы, Урада, Забайкадья. Мне казалось, что именю здесь, в сложной истории этих самощеетов, в их родстве и связах с соттями других редчайших минералов, скрыты ведичайшие тайны нашей науки, и тольстенные фольваты исследований о пегматитах сложнамесь как резудьтат долеги, почти тридцатилетинх инбалодений над законами их жизни и смоги.

Камень наполиял мою жизнь, в сложных сочетаниях, в своей внутренией природе, в своей длинной и сложной истории, а люди?...

И вот сейчас, когда в моей голове постению проходят воспоминания прошлого, когда пряходятся это прошлое не просто вспоминать, а раскладывать на части, острым скальпелем вавтома вскрымая отдельные нерым и жили, вот сейчас голько начинаю я поминать, какую огромирую роль в моей жизин сыграли именно люди, как тесно сплетались они со всеми переживаниями, как месино они, часто совершению незаметно, руководили

мыслями, поступками и желаниями. Я начинаю понимать, что человек в его борьбе, во всем величии его победы над природой являлся, в сущности, центром прошлого, а камин?..

Миого, миого замечательных людей прошло перед глазами — людей, о которых иельзя сейчас вспомниать без благодарности...

Я помию застенчивую, иссколько сутудоватую фигуру профессор акимии, спокойного в споем рассказе, но задевавшего за живое в каждом его носмиданию горятем сложе сверказо (дей мисал, воспомивании о родном Кавказе. Каждую субботу прикодил он вечером к нам, а я, десятил-егивій мальчишка, спрятавшись в угуд дввана, с каким-то балогочвением слушал его, прищедшего из большой лаборатории, поляюї стакаюю, кода, банок с содями, с жидкостями и каким-то особеннима запахом.

Каким праздинком было для меня разрешение навестить его в самом университете, пройти по темным коридорам старого здания к иему в лабораторию и тихо, затанв дыхаиме, смотреть, как он, ученый, переливает какие-то живости, кинятит что-то на газовых горелках или осторожно капает окрашенные капельки в большой стакан.

Так шло много лет, потом жизять развела наши пути, и только осенью 1937 года в Тбылкен, перед зданием созданиого им Грузниского университета, увидел я знакомую фигур Петра Григоровения Меликишили и о благодариостью выискивал знакомые черты на его лице.

Авчное счастье, наука, уважение, сама жнань ему улабаласы Он только что кончил замечательный труд о турмалине, его дохлады, блестищие по содержанию и замечательные по форме, привлекали к нему молодежь во всех научных собраниях; он заведовал прекраснейшим минералогическим музеем в стране, наследнем кунсткамеры Петра; его сборы минералов на Урас обещали открыть совершению новые горизонты в изучении уральских цепей.

Все улыбалось ему: и научное имя и личная жизнь; из этого рождалось то обаяне, которым оп покорял всех и вся. Он видел эту улыбку фортуны, ему даже иногда казалось как-то стращным, что все складывается слишком хорошо и ярко в его жизни. Ои собирался уезжать на ледники Кавказа, чтобы изучить найденные им новые месторождения исландского шпата, — красивый, жизнерадостный и умный. Среди сутолоки укладки, снаряжения и подготовки вкспедиции ои успевал бессоравть со мной, еще молодым студентом, поженять свои идеи о минералах Кавказа и Крыма, показывать любимые образцы из дорогого ему музея.

А там, на Кавказе, произошло что-то непонятное...

Вечером, после удачного сбора минералов, костра, его спутники уже перед ском сидели у костра, он сказал, что пойдет немного погулять. «Одии, не надо сопровождать!» Он ушел и не верпулся.

Долго-долго искали его и нашли его труп в трещинах ледника.

Это был Виктор Иванович Воробьев — один из лучших молодых минералогов старой, дорево люционной России.

Память о ием осталась ие только в его детище — Минералогическом музее Академии наук, но и в названиом в честь него минерале — воробъевите, столь же жизиерадостном и светлом, как и он сам.

На Урале наш путь всегда лежал сначала на деревню Южакову.

Здесь, на северном конце бесконечно длинной деревни, стояла довольно ветхая, типичная уральская изба с полукрытым двором; большие штуфы камней лежали у входа.

Это был дом Андрея Хрисанфовича Южа-

Средн длинного ряда горщиков Урала, любителей и энтузиастов камия, самой крупной и самобытной фигурой был Хрисанфыч. Все заботы мужникого хозяйства: покосы,

выгоны, застоям дожицаюто хозянства: покосы, выгоны, заготовка дорь, — все это было както между делом в том, что он называл своим делом. Дом был запущен, саран покосились набок, сбруя порвалась и была связана веревочками; для него вся жизиь и дело были в горе, или на адоргой ему Мокруше.

Много лет подбирал он колье из 37 аме тистов — не тех дешевых, светлых, почтв стеклянных, которые мы обычно знаем под названнем аметистов, а тех темных, филолетово-черных густых камней, которые вечером, при свете свечи или лампы, загораются красным огнем каких-то страшиых пожаров. Камнн для этого колье он всегда вознл с собой в тряпочке. Ои любил раскладывать их и столе и показывать, чего ему еще недостает.

Но больше всего любил он Мокрушу—
то замечательнейшее место на всем свете, где
в болотистом лесу, в полузалитых водою
ямах, добывально нежноголубые топазы, черные мормоны и другие прекрасиме кристаллы.

 Заложу душу свою, а раскрою я эту жилу, что под Алабашку падает, и камень

найду, да какой еще!

И он действительно находил камень: то замечательные штуфы с извыми редкими минералами, то почти двухпудовый топаз-тяжеловес, то лиловую слюду с зелеными оторочками.

Хрнсанфыч умел бережио н аккуратно доставить домой свою добычу, уложить в сундуке все штуфы получше, а в белье спрятать

самое цениое.

Когда мы в красном углу, под образамн, распивалн чай с кринкой молока да яйцами, Хрнсанфыч постепению, не без гордости раскрывал перед нами добытые сокровища. Мой спутинк Илья Владимирович спокойвым движеннем откладывал один из образцов налево, другне — правее, около себя; нх он хотел купить у Хрисанфыча, но боялся неосторожным взглядом поднять цену.

 Ну что же, берн, но меньше катеньки не возьму, — завязывался тонкий разговор.

Вся бескитростная дипломатия Хрисанфыча сплеталась с шитой бельми нитками политикой Ильы Владимировича, который получил из мужея на покупку минералов всеголишь восемь красненьких. Я не должен был вмешиваться в эту тоякую игру, не должен был и показывать виду, что мне какой-либо штуф иравится.

После долгих-долгих бесед, многих чашек чаю, после перекладывания справа налево и слева направо все-таки все интересное оказывалось в правой кучке, Хрисанфыч соглашален на три красненьких, а Илья Владимирович аккуратно заворачных приобретенные образцы в привезенную из города бумату и укладывал в прочный кожаный саквожх.

Но были камин, для которых цены не было. Это те, что лежали в сундуке, среди колста, — они не продавались ни за какие катеньки, их любил особой любовью Хрисанфыч, он долго вертел их в руках, но неизменно клал обратию к себе в невъянский сундук.

а я... миого лет смотрел на некоторые на этих штуфов, вздыхал, умоляюще взглядывал на Илью Владимировича, заискивающе на Хрисифича. Но ничто не помогало... Камии возвращались в сундук.

Однако продажа каммей мало давала Хрисанфычу — ин партин гемых аметистов Каменного Рва, ин штуфной материал, вывезенный в город для продажи, ин перекуплениые краденые изумруды. Все это были отдельные рубли да красненькие, а на копи уходили сотни целковых, инкто даром не помогал горщику и мало кто верил в его «фарт». А оп был фанатиком камия, сумевшим перенести весь фанатизм своих предков керкаков-староверов на камень, борьбу за него в мокрых ямах Мокриши.

Пришла революция, прошли через Мурвинку отряды белых, оставив разрушение и иенависть, потом начались первые годы трудного подъема из разорения войим. Медлению сталы оживать Мурзяния, Южаково и Анповка. Зашевелилсь горщики, завертелись гранильные станки

Хрисаифыч сбросил как будто бы три десятка лет и стал организовывать артели с тем же фанатизмом и упорством, с каким ои раньше копался одии с сыном в глубине своих ям. Жизиь научила его, что одиому не справиться с Мокрушей и Ватихой, с их водой и плывунами, что камень не дается в руки без больбы.

И вот в самую разруху в старом Ехатеринбурге, который горщики всегда называли просто «город», встретил меня на улице Хрисанфан. Он, который не признавал ранвше «чугурки», считал машину делом антикурста, приезал в «город» за изососм. И он достал его, уваже цен есколько горщиков и граниальщиков в общее дело, сумел завязать связи с «самим совиархозом».

Я не узивава старого упрямого кержака, Он взял с меня обещание, что я приежу через год, через два на его копи, с оживаением рассказывал о своих плавака, о том, что Каменный Ров даст граннальщикам Свердловска новые огромные заработик, что он раскроет, наконец. Мокрушу, что он сиссет дресвву и обизжит жилу с самощегами. Он уже мечтал о возрождении Липовки с ее краслыми и поликромными турмаливами.

Через много лет приехал я сиова в Свердловск. С горечью я узнал, что Хрисанфыч умер, простудившись на Ватихе, когда надо было в воде устанавливать мотор. Но дело, подиятое им, не замерло.

поднятое им, не замерло.
Разрослись Изумрудные копи, на место старых полуголодиых, бесправных хищинков пришли артели, объединившие старателей. Мон старые друзья по изумрудной тайге, которых я навещал до войны в темные ночи в лесу, сделались бригадирами. Техническая помощь приучила их к новому типу работы, а огромный опыт, чутье камия, знаине миогочнскенных неуковимых признаков преврати-ки их в цениейших разведчиков. Вместо то-го чтобы заниматься обработкой краденых изумрудов, гранильщики Свердловска объедин иились вокруг специального гранильного цеха государственных гранильных мастерских. Зашумел мотор на Липовке, и впервые проникли под землю наши горщики, под пашии деревни, нащупывая жилы розового лепидолита и цветного турмалина. В далекое прошлое ушли хрисанфычи, на

далекое прошлое ушли хрисанфачи, на смену тяжелому старательскому труду одиночек пришли сильные артели с техническим оборудованием и техническим руководством. Стали оживать уральские самощееты, засверкали бусники в ожерельях дымичатого топаза н хрусталя, занскрились красиме камин в пятилучевых звездах горияков, заиграли своим затейливым рисунком броши из пестроцеетной орской яшмы, снова появились уточки и слоники. далы и лодочки...

А на больших государственных гранильиых фабриках десятками тысяч каратов стал граниться веленый самоцвет — изумруд для экспорта: в Англию, Францию, Америку, на Восток, в обмен на машины. На сотиях станков гранильных фабрик в Свердловске и Петергофе твердые камии Урала стали превоащаться в валики для бумажной промышленности, в поизмы и подпятиички для наших точных приборов — часов, буссолей, весов; технический камень стал вытеснять старые аляповатые поделки. Опыт старых гранильшиков позволил быстро наладить новое дело, н сотии молодых учеников пришли на смену старым гранильщикам, пионерам и фанатикам уральского камия.

Кипит, горит работа по созданию Хибии: города, дорог, рудника, фабрики, буровых, улиц, заектростанций, школ. домов — ну, словом, всего того, что нужно человеку,

когда он на голом месте растит «новостройку».

Проиченко пришел сюда еще молодым комсомольщем с самыми первыми разведочими партими 1929 года. Сиачала он яки в камениом сарайчике из Ворткуай, построенном еще в прошлом году и гордо изаываешемся «небоскоебом» — действительно, это был пео-

вый каменный дом на всем просторе десятков

тысяч километров Кольских туидр.

Потом он со своей партией построил деревяниме бараки, в которых осенью того ме 1929 года разведчики впервые смело и решительно начали говорить о сказочных богатствах апатита: здесь в глухую декаброскую ночь С. М. Киров сам готовил диспозицию к бою... с темиотой поляриой ночи, с иеверием старых, заскорузамых геологов, с иеверием старых, заскорузамых сологов, с иеведомыми еще силами Заполярья, со сиегами, морозами и выогами.

И первым среди пионеров края был молодой партиец Григорий Степанович Проиченко, первый секретарь первой партийной ячейки Хибинской тундры.

Он весь горел иовостройкой. Волиовался за прокладку железиой дороги, сам помогал вытаскивать тяжелые катерпиллеры, когда

оин с громадным грузом больших саней провалнвалнсь сквозь наст в двухметровый снег. Он первым был на первых буровых вышках, объясняя название пород кериов, записывая показания, подбадривая при неполадках.

Вегда весамій, оживаенный, несколько, вегда беспюкойный, с отрывочной речью, вегда горящий и большевистски настойчивый. И где нужна бака повав смелая мысал, где надо было проложить новые пути, там был Проиченко. Закладывансь ла штольни Юсспора с его обрывами, надо ли было итти таежным путем на Иону, на новое железо, нужно ли проверить партию в Ловозере, на самолете слетать в Сейтрявр, — всюду первым били Проиченко, не успевавший даже записывать свои наблюдения, всетда простой, искренний товарищ, новый человек иовой столянь.

траны. Но вот пришла страшная зима 1935/36

года. В темное декабръское утро огромная снежная лавина пронеслась со склонов Юкспора, она перслетска через железную дорогу, свы не защенив проходивший поезд. Воздушной волной подняло большой двухатажный дом и бросило его с рамаку на другой... Более сотии рабочих изпли свою смерть под этой страшиой лавиной, а Прояченко, за-бывая себя, безустали работал, руководил раскопками и поисками оставшихся в жи-

...Но тяжелая зима продолжалась. В липаре новые массы снега стали нависать на Юхопоре, и снова смерть грозила домам и поселкам. Надо было выяснить размеры опасности, и вот он во главе небольшого отряда с трудом поднимается по гребешку Юкспора среди мяткях снегов.

 Лавина, лавина, осторожио! — кричит он, завидев сиежное облако, катящееся сверху.

Но это были его последиие слова, и товарищи, спасенные этими словами, откопали его в сиегу, уже мертвым.

Светлая память герою Хибии, светлая память одному из строителей-кировцев!

. .

Миогими сотиями писем молодежь отвечает на книгу «Занимательная минералогия», сотии молодых энтузнастов камия рождаются в нашей стране, и как бесхитростию, просто, кэк увлекательно, правдиво, с какой глубокой верой в себя, природу, родину написаны эти письма!

Вот отрывки из иих:

«Я стал заниматься минералогией иедавно, хотя любил камин и мадьчиком; всегда таскал их домой, за что иногда и попадало» (1934 год).

«С меня смеялись и смеются некоторые товарищи и взросаме за то, что я собираю коллекции и много времени уделяю этим наукам... Не рав приходильсю виметь наклобучку от мамы за то, что дома, куда ин повериешься, все камини... Но теперь уж инкакие насмещим невежд ве помогут!» (Ученик 15 лет, город Сталино, 1925 год.)

«Я давно люблю химию и минералогию. Собрал уже коллекцию из 64 минералов. Сейчас мие уже 13 лет... Я имею свою лабораточно, произвожу опыты и оашу коисталлы.

Можно ли мие, окончив школу (семилетку), поступить сразу в Академию наук или...»

(Полтава, 1931 год.) «Спасибо Вам за книжку. Мы отобрали ее от папы и поставили ее к нам». (Ученицы мо-

сковской школы 8 и 10 лет, 1938 год.)

«Я сделался страстным минералогом.

Я коепко осщил лобиться намеченного и

добьюсь». (Комсомолец из Воронежа, 1934 год.) «Я хочу поехать трудиться и в труде и ра-

«У хочу поскать трудиться и в труде и раооте учиться природе, и все, что будет человеческим трудом добыто, отдать на пользу социалистической нашей Родине». (Ученик

7-го класса, Воронеж, 1937 год.)

«Я очень люблю заниматься минералогией и уважаю вту науку, которая дает Советской страве много ценного, которая необходимо нужна нам, людям нового времени. Нужна и нашей тяжелой промышленности, вужна строящемуся коммуна

Но жаль, — я этой наукой начал зани-

маться очень поздно».

Эти замечательные слова пишет ученик 13 лет из Винницкой области в 1935 году.

«Я уже с ранних лет интересуюсь камыями; будучи маленьким, ходил с полиыми карманами каммей и галек, теперь мее 12 лет; у меня есть друг, с которым мы вместе мечтем о будущем, как будем делать зарисовки и определять минералы. Напишите, какие книги прочесть, — сейчас занимаюсь по книжкам теорией, а летом займусь уже практикой». (Ученик 4-го класса, 12 лет, Сарапул, 1937 год.) «Я полюбил природу с тех пор, как вомиссебя. Я рано уходил из дому: на речку, в сад, в поле; наблюдал там жизны ттяц, зверей и растений, а оттуда возвращался с собранимы для коллекции. С тех пор прошло шесть лет. Я организовал два кружка юннатов, и вот, дазя по гором и хребтам Тянь-Шаия, среди разных камией искали мы и собирали дикие луки и прочие хозяйственноценные растения. Здесь в горах у меня ягодик на моболь к камиям.

И я решил быть натуралистом, минералогом, защищать от хищинчества природу. Я решил разгадывать тайны природы, тайны земли, разгадывать богатства земли на пользу своего Отечества — СССР». (Ученик 7-го класса, и.э.под Москию).

«Я совершенно потрясен минералогией в явжется ей. Казалось, что я и рожден тепетер только для минералогии, и если только была бы школа, изучающая минералогию, я кииулся бы в нее, подобно расплавленной матме, и сжитал бы все то, что мие иа пути преграждает». (Ученик фабзавуча, 17 лет, работает кузнецом, 1930 год.)

«Я девушка, мне 19 лет. Давиншней мечтой было поступить на геолого-разведочный

факультет Горного ииститута, а мне мужчины говорят, что жещина не подойдет для этой работы и испортит все дело. Напишите мне. верио ли это? А я хочу быть имению работником-практиком». (Ленииград, 1929

И таких писем много-много! Я не прибавна к ним ин одного слова, не исправил ин одной источности, так как хотел сохранить все в целости, всю их бесхитростную форму и их юную аушу.

В таких письмах мы изходим замечательвые черты нового человека: определенность, целеутермленность и настойчивость в достижении цели; искренность, правдявость, чисть тр и вместе с тем реальность, конкретность при большом увачечнии, но без фантастики, нередко при большой лирике, по без сентиментальности; горячее, необоримое желание читать и учиться, изучать свою родиую страи, се богатетлая, твердое убеждение в необходимости участвовать в общей стройке Союза, уверенность в силе и мощи Родины.

Разве не замечательные люди сталииской эпохи рождаются вокруг нас, крепнут, закаСпокойио закрываем мы страницы прошлого, ибо будущее, светлое, ясиое, определенное, придет с этими новыми людьми, с инми и через них!

х. монча

Монча — это целая эпопея, целая длительная история крупнейшей новостройки Союза, котя ей всего пять лет.

Монча — это замечательной красоты горный хребет на Кольском полуострове, на запад от Кировской железной дороги; ето вершины достигают выкосты свыше тысячи метров, ето склоны омываются многими десятками озер, бурные реки стекают в порожистых течениях с ето каменистых круч, а леса, деса заповедные, с седым ягелем, покрывают предгорья, охраняя стада диких лосей и оленей...

Такой неведомой, таинственной страной рисовались Заимандровские тундры до начала экспедиции Академии наук 1929 года,

Правда, еще раньше проходили здесь отдельные маршруты профессора Петербургского университета Б. А. Попова, да в начале 80-х годов частично коснулся их французский географ Рабо, который возвращался из Индии в Париж по весьма необычному маршруту: через Кандалакшу, Зашеек, Нотозеро, Колу... и Ледовитый океаи.

Но все же очень мало знали мы об этом красивом хребте. Много лет мечтали посетить его грозные ущелья и живописные озера, любовались с озера Имандры его резкими контурами на розовом вечернем небе, ио... Хибины заворожили нас и долго не пускали на запал.

Так вот об этой Монче-тундре и будет речь в нашем очерке.

Как часто читаем мы в газете коротенькое сообщение в три-четыре строки: тия геологов такого-то учреждения откры-83

ла там-то богатое месторождение такого-то металла. Намечена постройка рудника и завода».

Все это верио: и партия такая существовала, и месторождение она открыла, и органивация рудника уже разрабатывается, идет проектирование завода, но.. не так все это просто, легко и гладко проходит, как это рисуется в этих строчках, напоминающих выражение Юлия Цеваря: «пришел, увидел, побелал».

В этих строчках обычно скрыта даниная. сложиая и подчас тяжелая история, в них и за инми в действительности так миого борьбы, борьбы с самим собою, со своими первыми предположениями, со своими собственными ошибками, борьбы с неверием или с завистью других, борьбы за растушую уверенность в своей правоте, наконец борьбы за разгадку самого месторождения, борьбы за точные запасы руды — словом, борьбы со своим и чужим иезнанием, с косностью человека, косиостью самой науки. И когда в газете читаешь, что такой-то ученый нашел иовый метод технологических процессов, не думайте, что и его путь был такой простой, краткий, ясный, как те три строки, в которых

газета повествовала миру о новом завоевании химии.

Нет, даниный путь борьбы, подчае нерыной и тяжелой, приводит к этим строкам. А между тем только в этой борьбе и рождается всякое научное завоевание. Только в ней закаляется воля: настоять на своей правоте, на нексим дал самого себя намеков высказать предположение, из предположения вырастить и укрепить веролитность, из вероятности — ту действительность, которую мы называем общепрываниямы фактом.

И вот эта длинная цепь ступенек и есть то, что мы называем откомтнем.

Так часто спрашивают: кто открыл? И так редко сходятся в ответе. Открытие поти инкогда не делается сразу. Оно лишь по-следияя ступенька той длиниой лестицы, которая создана трудами очень многих...

Природа, ее тайны не даются без борьбю организованной, планомерной, систематической; в в этой борьбе за овладение тайнами природы, ее силами — счастливый удел ученого, в этом — его жизиь, радости и горести, его увлечения, его страсть и горение.

Но если у исследователя нет этой страсти, если по шестичасовому звоику поспешно запирает он диери своей даборатория и если его рука не дрожит, когда он производит последнее взвешивание ильи последние вычисления, то он не будет настоящим учеными И если в своих исканиях он щенит каждый успех лишь постольку, поскольку успех этот лично его, его слово и его мысль, если он не понимает, что законченная мысль есть последняя капла, собиравшаяся доллее годы в десятках умов, то он не может быть истниным борцом за новое, за истину!

 Так вот вам исторня Мончи! — начал он свой рассказ.

Он лежал в больнице, после тяжелой болезни, скваченной в Хибинах; мы навещая его и приносили ему камин и цветы, говоря, что и то и другое—кусочек любиной им северной природы. Он рассказывал медленно, волнуясь, как бы с трудом вспоминая последовательность отдельных событий, сменявшихсл во временн скорее, чем в его памяти, опережавших и мысль, и людей, само время. ...Осенью 1929 года всследователь-географ Академин наук разложил перед нами привезениме из Занамандры образцы минералов. Это были довольно бесформенные куски зеленых оливиновых и пироксеновых порож только в некоторых из имк в луту можно было разглядеть блестящие точки каких-тосеринстых соединений.

— Что, это часто? — спросил я гео-

графа.

— Да, иногда попадается, — ответна он.

А блесточки запали мие в душу. Я знал, что темные породы, богатые оливниом в пироксеном, несут с собой часто, особенно в Норвегии и Кападе, блестищие руды меди и никеля, и быстро созредо решение едать на Мончу в следующем году во что бы то ин стало.

Пришел теплый июль 1930 года. Спокойная Имандра, большой карбас со знакомыми рыбаками уже ждет нас у станции Хибины.

«Экспедиция Академин наук выехала в Заимандровский район вместе с геофизическим отрядом для повсков железных руд в металлов», — так писали газетм, а в нашей вкспедицин было всего нас двое: я да моя обычная спутиица по Хибииам — Нина. Мы прекрасио подходили друг к другу по закону противоположности и потому, взаимно кейтрализуясь, образовывали, очевидио, прочное и устойчивое химическое сседиисине, если вывыматься химическим замком.

Не буду описывать эту прекрасиую поезаку, Миого часов на бурно качающемся карбасе, гроза и молния, почти морские волны. Упорно гребем под защиту остромов. Наконец тикая Монча-туба, приветливый костер сами Архипова, маленькая избушка с саамским камельком, сети, рыба, рыба и рыба...

На следующий день на шестах вверх по реке; мокрые, намученные, мы, наконец, на Нодозере, красивейшем из наших полариях озер, среди лескетых берегов. А потом долгий, тяжелый поход в тундру. Буриме и порожистые реки, с трудимым переходами, изманяющий нас бурелом; мяткий, седой, затативающий поту мох; бесконечиме, непереходимые болота, мошкара, тучи комаров и столо бълота.

Ночевки под елками, в мягком мху при ярком подуночном содице, потом подъем на вершины тундр Сопчуайвенча, Ниттиса, Кумужьей вараки... И сиова комарм. Вокруг ние окровавленные полотенца, ноги тонут в болоте, ослепительное палящее солице.

Там много раз, истомившись диевным переходом, в изнеможении садился я на мох и, задыхаясь в своем накомаринке, говорил Ниве:

— Так запомии же, Нина, ин ногой я больше сюда, к чорту. Лучше все пески Кара-Кумов, где испаряешься, как стакан с кипящей водой, но где хоть нет этих комаров и этих болот.

Кое-где попадалясь нам блестки в породах, кое-где ржавые пятна говорили о том, что здесь были сервистые руды металлов, и вот, наконец, нам посчастливилось. Осматрывая в бинолль окружающе горы, мы увидели как-то на склоне Нюдуайвенча бурые пятна в потеки.

— Мы ведь столько раз проходили у этого Нюда, — говорил я, — и там, в лесу, очевидио, за деревьями инчего ие было видио, а отсюда, вот смотри, как на ладошке, — бурые пятна.

И мы пришли, увидели и, как нам казалось, победили! Здесь были уже не отдельные блестки, а настоящие сульфидиые руды; правда, они тоже были рассеяны в темиой породе, но все же казалось, что найдена настояшая оуда.

Олиако, когла мы понвезан ее в Хибины. наши товарищи стали подсменваться над нами: они привыкан, что руда только там, где она лежит целой горой, вроде апатита, а эти блестки солеожат небольшой пооцент металла. Тщетно я уверял, что и иебольшой процент никеля и меди - это целое богатство. никто с нами не соглашался, и мы были жестоко оазочаоованы.

А все-таки руда там была, анализ подтвеодил наше предположение. — Это руда того же типа, что в Ноове-

- гии. говориа я.
- Но это не достоииство ее, там инкелевые рудинки давно уже закрыли. — Ведь я-то взял с поверхности, а в глу-
- бине, где руда не окислена, там ее, наверное, больше.
- Ну, что вы, там, конечно, ее меньше. Злесь металл пои окислении накопился.

Сомнения мучили. Недоверие со стороны оосло, пифоы анализов колебались, колебалca w a caw.

И я просто пришел тогда к С. М. Кирову, рассказал откровенно обо всем, я он отдал приказ начать разведки.

Глубоко запаля в душу его слова: «Нет такой земли, которая бы в умелых руках при советской власти не могла быть повернута на благо человечества».

Начались разведки, зашумели моторы буровых станков. В тихом, старом заповедном лесу, где еще ходили дикие олени и лосп. стади прокладвивать дорогв. рубили де-

ревья, взрывали камин, строили землянки, дома...
Началась новая жизнь — предвестник бу-

Первые иайденные точки не оправдали належл.

Больших скоплений не было, сомнения уси-

Потом вдруг повезло: на том самом Нюдуайвенче, под скалой, где были найдены первые куски с блестками меди и никеля, штольня совершенио иеожиданию врезвлась в сверкающую никелевую руду; весь забой во всю его ширину и высоту состоял из руды. Наконец нашли!.. Но недолгой была наша радость. Плоская линза руды очень скоро выкланилась, и забон, проведенные во все стороны, врезались в темную пустую породу.

Один искали на границах тех расплавов, которые вынесли с собой руду из глубины, другие считали, что главные руды накоплены в глубинах, третъв признавали существование огромных запасов лишъ расседники, седимх руд. Один хотели нскатъ только у Мончи, другие тянула к Нотозеру, третън — на воговосток: туда, где на юг от Ловозерских тундр были открыты тоже блестки руды.

Сколько новых буровых, сколько надежд и разочарований, сколько гранднозных, но бедных запасов, сколько геологических и технологических трудностей, сколько упрямых ядей, сколько фантазии и увлечения!

А между тем все новые и вовые буровые внедрялись в тундры, отдельные отряды рассенвальнсь по всему Кольскому полуострозу, радость сменлальсь по всему Кольскому полуострозу, радость сменлальсь разочорованием, а медлить было нельзя, — надо было строить завод, фабрики, город, железиру дорогу, надо было верить, что богатая руда будет найлена. И снова делились мы своими заботами и своей верой в окончательную победу с С. М. Кировым, и снова его спокойное деловое слово подбадивало нас, охлаждало пыл чрезмерной фантазии, внушало волю к веру в дело.

веру в дело. Действительное знаине и упорство победили, богатые руды были найдены, и уже первые шахты достигли этих прекрасных руд — настоящих богатств Моиче-тундры.

. . .

Сомнения осталнсь в прошлом. Растет краснвейший город Союза — Моичегорск, — между тремя озерами, в прекрасном сосиовом лесу, средн шума бурных рек, у подножья остроконечной вершины Ниттиса н горима хоебтом Мончи.

В городе новые кварталы возникают один за другим, открыта галефонная станция, имется библютека с 33 тысячами кинг. Наследние одного на самых северимх городов Союза получило три новых клуба, четыре детских сада, кинотеатр на пятьсот человек.

Сооружены больница, поликлиника, четыре амбулатории, родильный дом, детский санаторий, уже к лету 1938 года были открыты физкультурный стадион, лодочная станция

и ширк.

Сомиение изжито, сияты и отброшены все те, кто мешал, путал карты, сдерживал, срывал развитие рудинков и города. Новые люди, молодое поколение— не без ошибож, но полное искренией любви к делу — сумело сломать это старое, и новый, самый молодой город Советского Союза вырастает там, где на курых иожках стоял сарайчик старого савми Архипова, где на Лумболке имела союз избушку его сестра Матрена, где негронутой белела целина сплошного ягельного мята.

И недаром Архипов говорил: «Нет нам больше места на Монче-губе. Хоть бы в му-

Дома и сейчас стоят в сосновом и еловом лесу, так что, выйдя за порот, можно сразу собирать грибы. На улицах-дорогах столоби со строгой надписью, каких иет ин в одном городемира: «Воспрещается разведение в лесу огия, курение табаку, стрельба из ружей с пымами из пакаку.

Побеждена природа, побеждены темиые и тяжелые породы Мончи и Нюда, побеждены

сомнения, неуверенность, шатания, неверие, побеждены настойчивостью и смелостью, твердой выдержкой и упорной борьбой ново-го поколения, того, что сумеет воплотить в жизнь заветы С. М. Кирова.

Так рассказывал нам историю Мончи кольский исследователь.

Он лежал больной в белой, чистой палате н горевал, что заболел в Хибинах накануне того самого дия, когда должен был выскать на Мончу посмотреть своими глазами долгожданиме богатые руды.

Рассказывал ой и о том, что Монча только кусочек в большом медно-инкелевом поясе, который тянется от границы Финляндин до самого Белого моря, отнова с юта Хибинский массив; что еще много Мончей тант Кировская земля: «надо только хорошо тряхнуть ею».

Ои рассказывал тысячу мелочей, из котором слагалась его дваддатилетияя работа на Кольском полуострове, которые то мучили, то радовали его, то открывали новые перспективы, то сиова как бы туманом закрывали дорогу. Рассказывая, он волновался, не мог остановить поток воспоминаний и свою радость, что Монча живет. Но час посещения больных кончился, и мы должны были прервать его рассказ и покинуть больницу.

ХІ. ЦЕЛЕСТИН

Целестии — нежноголубой камень, цвета неба, такой чистый и прозрачный.

О нем я читал замечательное стихотворе-

Оно было написано в годы юности горятим револоционором Казавин, глаза которого горели огнем борьбы и гиева, когда речь шла о царе и жандармах, горели ярким, светальм огнем романтная, когда он декламировал Горация, и скромно, едва тепланась митким любящим светом, когда речь шла о синей Волге и голубых камиях. Куда-то затерялся листочек с его газетной статьей о целестиие: не точно на память приходят мие отдельные картины из этой повмы о камие.

...После серьезиой лекции по геологии Урала, после трудивы описаний синклиналий и антиклиналий, дисложаций и шарыяжей захотелось на свободу самой приоды.

И вот мы вместе с Наэми плывем на додочке, плывем по простору широко раздившейся Волги.

— Навми, Навми, почему ты молчишь? Лик слащком уж корошо на всесинем солище? А я смотрю в том глава, голубые-голубые: ты поминцы, как тот голубой камень неба целестин, который кристалликами, как главим, встречается там, в белом навестняке правого берега Волги, Хочешь, пойдем поницем этот камень. В нем вся исятности вобра вора, вся яркость весеннего дия, вся глубина счиемы Волги.

синевы Волги.
Астким и привычным движением остановили мы лодку у обрыва правого берега
Волги.

— Hy, теперь кто первый найдет? Возь-

ми ножик и зубила. У кого первый кристалл, тому, — ну, тому мы назначим особую на-

граду.

Легко прыгала Наэми с камия на камень, пока я спокойно вскал тот горизовт известняков, в котором сидят голубоглазме целетины. Но вот, как кошечка, брослась ов на свою жертву, вся прижалась к скале, что била молотком, а потом радостию, с хитрым выражением синих глаз, подбежала ко

мие и показала выбитый кристалл...
Но, о ужас! Как обезображен он был зубилом Наэми! Белые полосы избороздили его поверхность, острый уголок коисталла

— Назми, Назми, что ты сделала? Разве ты не знаешь, что целестни – камень мятекий, податальный, добрый... Да не смейся своими хитрыми синими глазками! Это камень мятий, с ним надо обращаться осторожно, бережно, а ты? Разве я так обращаюсь со своей Назми! Назми, ты не знаешь ин минералогии, ни души человека!.. Ну, не огорчайся, пойдем искать повыше, и знаем там, над чистым белосиемым каринзюм известника, есть целый горизойт в пустотах, а в них сладят голубке целестника.

QQ

7*

был отбит...

. Долго и бесцельно подвали мы по беломусклону; камень не давался нам. С шумом скатывали мы вниз в синюю Волгу большие глыбы, упорно работали своими молотками, разбивая куски и выискивая целестии.

Уже вечерело, красные краски стали зальнать швромий горизонт лезобережной инзины, когда счастье нам ульбиулось. В маленькой пещерке известника сверкали, как синие глазки, несколько прекрасных голубых кристалов, желто-белые кальциты еще более оттеияли голубой цвет, серый хальцеон скреплял кристаллы прочной оправой, а они были чистые, светалье, с блестащими гравими, сверкавщими какими-то переливами в лучах заходящего солица.

Бережио и осторожно выдомали мы глыбу известняка с пещеркой целестина, завернули бережно в носовой платок и косыночку Наэми

н тихо спустились к лодке.

Кто не внает втого очарования вессинего вечера на Волге, когда потухают последние отблески вечерней зари, когда загораются первые отоньки в домах, когда так тико, что, кажется, слашно биение самой земли; где-то мерио отбивает такт пышущий отнем буксир, изредка раздаются неровные звоики плотов при встрече с «пассажнрскими»; стада спускаются к водопою... И сиова тихо и

Хочешь, Наэми, я расскажу тебе сказ-

ку? — говорил я.

— Расскажи, только чтобы это была настоящая сказка, с чародеями и богатырями! — Ну. ладно! Это было давио-давио.

в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. Не было ни Казани, ни Волги, ни даже этих белых скал; море, великое Пермское море, н его валы разбивались о гордые снежные вершины Уральских цепей; его воды широко разливались на юг и на север, уходя своими заливами и солеными лиманами далеко на запад. Это было первое глубокое мореокеан — после горячих вулканов и землетрясений великой Герцииской эпохи, когда из глубин выливались могучие лавы, набегали с востока каменные водны, вздымая хоебты Урала, открывая дорогу горячим дыханиям. Все сказки со всеми их чародеями бледнеют перед этими картинами подъема из глубин веман могучего Урада...

Потом пришло море, море шнрокое, море спокойное. Вокруг него расстилалась пустыня, огромные реки разрушали хребты, нагромож-

дая дюны и песчаные наносы по берегам, а в самом море кишела буйная жизны: светящиеся морские звезды с их ногами-змезми, осъминоти пестрых цветов вытативались из красняю завитых раковин аммонитов, широко развивалась пермская жизнь, накапливая пестрые раковины, завитки, строя твердые фосфорные скелеты рыб, в тонкой филигранной работе вытачивая ужор радиоларий то из чистого опала, то из нежноголубого целестина.

Да, да, из нашего камия, втой сернонислой соли металла стронция, строил какитарин свой камениме скелетики-ввезды из острых шинов, иголочатые акуриме шарики. В скавочных глубинах Пермского моря, куда не проникал даже глаз Садко, в полумраке сникх тонов садильсь на дно эти скелетики, нежные, как узор тоичайшего кружева, леткие, как пена или пушос одуваника, но прочиме, перастворимме кристаллики целестина.

Прошли миллионы, сотни миллионов лет, ушло Пермское море, сменили его просторы пустынь, степей, полей. Прошли еще миллионы лет, остатки морей сделались прочимым каменными породами. белые навестняки полнялись из глубни Пермского моря, а рассеяниме иголочки акантарий выросли в голубые

консталлики пелестина.

Разве эта сказка не сказочнее всех чудодеев и всех богатырей? Разве не сказочна эта история стронция, за сотин миллионов лет вырастившего из иголочек радиолярий голубые кристаллики целестина? Разве?.. Стой! Ты видишь, там виизу, около Казаии, красиме бенгальские огии. Видишь, вои рассыпается ракета красными звездочками.

Ты видишь? Ведь это продолжение моей сказки. В этих огиях горят соли строиция из нашего целестина. В красных ярких звездах ракет последние вспышки нашего камия... Мы замолчали. Тихо неслась лодка по

течению реки. Горели огоньками берега, яркое зарево огней подинмалось над городом. Залитый огиями, шел вверх, весь ажурный, поосвечивающий огнем пассажноский теп-NOYO #

Мы тихо и молча подплыли к причалу,

привязали лодку и пошли домой.

— Ну что, Наэми? Что ответишь ты профессору, когда он споосит тебя на экзамене о печестине,

Примерно так писал о волжском голубом камне наш казанский ученый. Это было давно-давно, и я не знаю, насколько точно передал его стихотворение в прозе.

ХІІ, МРАМОР, МРАМОР И МРАМОР

По мраморным ступеням шел я в Афннах в Акрополь. Яркое южное солице горело на пожелеталых плитах камия, и глубокие темноголубые тенн сливались с прозрачной синевой мрамора в непонятную гамму таинственных красох.

Вот гордый Парфенон, весь нзваянный нз пентелнконского мрамора. Легкий, на десятках строгих дорийских колонн, но вместе с тем тяжелый в своей каменной громаде.

Внутри полумрак. Глаз едва привыкает к ярким дучам солнца, врывающимся в храм. Холодный мраморный пол, холодные мраморные стены с желтыми полосками, а в углу, освещениая солиечимы лучом, вся живая и прояная, стоит Афина. Еще окутано полумраком ее спокойное, прекрасное, бесстрастное лицо. Но горит рука в лучах солица, божественная рука из нежного полупроэрачного паросского мрамора. Кажется, вот подиниет она карающее коппе, оживет кровь тонких жилках, едва просвечивающих сквоаь тонкую «кожу» мольмов.

Он живет, этот мрамор великого Фидия, слитый с золотом и слоновой костью в прекрасное живое существо богини Победы!

Я забываюсь, как во сие, перед обаянием камия, и мие кажется, что со всех сторой медленной поступно входят девушки и юноши в белых китонах. Среди них победитель ристалищ в лавровом венке; его прекрасное спльное тело почти обнажено, перед ини склоняется и молодость и старость — он победитель!

Мне самшатся странные напевы хора Софона, превозносящие гибкость, ловкость и силу победителя; сама мраморная рука Афнны как бы протягняется к нему, благословляя его на борьбу за величие мраморных Афия, за красоту и салу. В полумраке туманного ленинградского вечера, окутанного мокрой дымкой моря, вхо-

дим мы в мраморный зал.

Только две дежурные лампы горят на потолке, длинные столы стоят извилистым рисунком, утопая в букетах каких-то пока трудно различимых цветов.

Но вот зажигаются огин, одна за другой

убегают серые тенн, яркие дучи задивают розовые мраморные стены, розовые колонны, розовый пол. Мягкини дучами осещаются яркие краски осеники цветов, темная зелень так сказочно гармонирует с нежнорозовым мрамором.

Розовые плиты своим пестрым затейлявым рисунком улыбаются нам. Кажется, что все недостатки, все живлян, грещинки, включения — все превращается в достоинство кания, который то говорит что-то своим рисунком, то манит своей мягкой прозрачностью, то отбрасывает своей гордой фарфоровой поверхностью лучи света и даже наш ввглясь.

В шумном подъеме первой встречн встает Раман. Его смуглое индусское лицо еще прекраснее на фоне розового мрамора. Он гово-

рит о своем народе, о новых движениях молодой Индин к прогрессу, несусству, науке, он рассказывает о своих работах в тиниве физического іниститута Калькутты, он еще не открыл «эфекта Рамана», еще синее море Средиземъв и синее небо его родины не открыли ему тайни колебания молекул, получившей его имя; еще только горят его черные глаза отим искалий нолых истиго

Его сменяет Планк. Казалось — беззинаненное и суксе лицо, гле-то спратная искорка его глаз за золотмыи очками. Он пачинает медленно и как-то неумерению. Он говорит о великих споих открытних, о квантах энергии, управляющей миром, о загадочной цифре «постоянной Планка», основе и еще таниственной загадке уованений понодоль.

Он говорит, что науки нет без вдохновения, что великие истигны рождаются не вдруг, не в тиши научных кабинетов, а после горячих переживаний души, в огие порывов и желаний, в борьбе за природу и против природы.

Он еще горд в величин своих идей, он еще не склонна своей головы, но уже рождались смутно в его голове далекие от жизни идеи мистической философии.

 Да слушайте! — прервал его речь маленький коренастый старик с седой бородой. — Да, наука не существует вне жизни, я сам пришел к ней от огня металлуогических печей, где впервые понял великие законы химин, — это говорна норвежец Иогани Фохт. крупиый металаург и физико-химик в геологин, открывший целую новую главу в ми-ровой науке. — Слушайте, вчера я поехал на острова покататься на машние, мы остановились около груды камней, которую разбивал молотком рабочий для балластировки шоссе. Мой спутник и доуг из вашей академии объяснил по-русски рабочему, что я заграничный ученый, который приехал в Союз на торжество двухсотлетня русской науки, на праздник советской Академии наук. Рабочий быстро вскочна, он читал об этом в газетах, он знал даже имена приехавших, с какой-то особой горячностью пожал он мне руку, отобрал лучший кусок зеленого главконнтового известняка и подал мие. Вот он, я с ним не расстаюсь, я увезу его в Норвегню, он мне дороже многого.

Вот это настоящая наука, — закончил он, — когда ее знает и ценит весь народ.

Я за такую науку, свободную, великую мысль ученого, за торжество науки и техники...

Догоралн огин, поблекли краски цветов. Беспорядочим, шумны были речи на десятках языков. Розовый мрамор стен сиял. своей вечной неизменяемой красотой, красотой, для которой нет- ин слова поэта, ин кисти художника.

Да процветает и растет истинная наука!

Мы спускаемся свачала в подвалы, огромные бункера заполнены буровато-черным утлем. Вагон за вагоном, поезд за поездом сбрасывают черный алмаз в угольные ямы, а оттуда в топки котлов.

Вот онн, рождающие силу длиниме ряды доскаленных котлов! Сложные системы манометров, труб, счетчиков, стрелок, рычагов регуляруют их бурюве дихание; спокойно, уверенно поворачиваются рычаги, когда доржищая стрелас счетчика слашком отклонилась направо, — уменьшается поступление чуля, выпускается пао.

Все дышит здесь мощью и силой огия, среди него спокойный хозяин — человек.

Потом даннные светаме заам электрических машин. Здесь претворяется тепло в энергию электрического тока. Уверенно и быстро крутятся громадные валы электромашин, и тысячи меаких проводов санваются в тоастые медиые тросы, по которым бежит электрический ток. Здесь рождается великая энергия мира!

Мы идем дальше. Контрольный пост преграждает дорогу — выдают особые пропуска. «Зачем это?» - «А вот увидите...» Поднимаемся на третий этаж. Большой нарядный зал, стены покрыты полированными мраморными пластинами; ин одной трещины в иих, ни одной царапины, ровные, чистые доски из лучшего уфаленского мрамора.

Это центральный распределительный щит энергии Челябгрэса, это управление несколькими стами тысяч дошадиных сил Урада. Всюду рубнаьники, лампочки, красные, желтые, снине... краткие надписи: «Златоуст», «Золотая линия», «Свердловск», «Тракторный», «Электросплав», «Освещение»... Тихо в зале, как-то не кочется даже громко говооить. Только короткие телефонные звоики да поступь дежурной, спокойно обходящей щиты с горящими лампочками.

Вот зажилаесь красная: выключить рубильник! Повреждение на линии. «Дайте ток, звонит по телефону Ленинская золотая шахта. — Мы должны включить водоотлив». Поворот рубильника — и загорается синяя лампа.

«Дайте освещение, — молит Свердловск, — моя Верхисетская не справляется, нет накала». — «Подождешь, — отвечает диспетчер. — Вот закончат работу цехи Элатоуста, дам вам

И на пространстве, равиом половине Франции, одиям движением рубильника, установленного на мраморной доске, зажигаются тысячи огней, включаются сотин моторов, начинают работать машины, цехи, заводы.

Эдесь главный нерв жизин Урала, здесь его головной мозг, здесь его источник жизии, в втих проводах, расходящихся отстора радуусами на площади около 200 тысяч квадратных километров, — один телефонный звонок, один диспетчер, один дежурный.

Приветанво горят огоньки на сером мраморе стен, тихо внизу жужжат электромашины, да иногда раздается шум опрокинутого вагона с углем. Даниный путь труда рождает мощь ваектростанций; даниный путь труда ведет из угольных шаат Челябинска к бункерам и топкам которь

Длинный путь труда рождает энергию, двигающую страной, одним поворотом рубильника на мраморном щите перебрасывает в доли секунды сотин тысяч лошадиных сил.

в доли секунды сотин тысяч лошадиных сил. За труд, товарищи, за великий труд, побеждающий тьму!

XIII. НА ГОРЕ «ПОЛКОВНИК»

Впервые я поняд тайну орской яшмы на Петергофской гранильной фабрике, куда меня пригласил съездить один из ее главных мастеров-художников. Это был человек необычайный — смесь русского добродушия и талантливости с швейцарской деловитостью и упорством жителя гор. Маленький, спокойный, адумчивый, водил он меня по станкам его художественного цеха и каким-то тихим голосом говорим:

— Вот видите этот камень, — смочите его, Поликарпыч, мокрой тряпкой, — вот этот ка-

мень — целая легенда. Разве направо вы не видите зарево пожара, пронесшийся смерт войны? Вот здесь, на первом плане, в этом бесформенном нагромождения скал, коней, повозок, лодей мне съмпатся стоны пронесшегося сражения. Вот тут осторожно скальпелем мы выврежем бешеного коми. Его храсная грива уже рисуется в этом отнениом завитке камия. Вот видите, прижалась к нему фитура смерти-победительницы; только маленькую белую косу, Поликарпих, ты врежешь вы каколоита и дашь ее в руки торжествующей смерты.

— А вот этот еще прекраснее камень. Бурное море, красно-голубыми отливами пераливается волна в отблесках потухающей зари и затихшей бури; белме каемки вот этих полосок — это кипящая пена опрокинутых и быощихся о скалы бурных валов. Здесь ничего не надо от художинка. Только вот так, Зняваща, поверните вы камень, пправъте его в синюю рамку инколаевской яшмы, а здесь вместо этого неудачного пятна на буром небе распластайте буревестника из серого халцеарна, но так, чтобы все самшали крик, произвительный крик этой птящы, напоминающей, что буря еще ве прошла.

8* 115

— Теперь пойдемте к нашей гордости — Лиане Петровие. Это молодая скульпторша. Она делает тигра из яшмы, не будем ей мешать, только заглянем к ней через стекло ее комнатушки. Вот смотонте на полку: зеленый крокодил, он только что вылез из желтого иильского ила и греется на солиышке. Рядом белый медведь из просвечивающего уральского ангидоита, и сидит он на глыбе из прозрачного льда, - это, конечно, вы понимаете, обломок кварца из россыпей Средиего Урала. Вот дальше противиая жаба из миасского змеевика, но это все пустяки. Самая замечательная ее вещь — это «Победа». Она оаботает над нею уже несколько лет, она вытачивает ее на глыбы все той же орской яшмы: чище, светлее, прозрачиее делаются тона камия кверху, где из иих рождается прекрасиая голова молодой девушки, олицетворяющей труд: виизу, в диком смятенин красок, в обломках синего, черного, красного агата, извиваются поправные трудом какие-то неясные чудища, искривленные, сломанные, оборванные, задавленные гадины: кажется — в иих весь ужас. вся нищета, все преступления прошлого в ногах у торжествующего тоуда. Камень сам ей говорит о том, что она должиа с ним делать.

но мало кому она показывает свою замеча-

тельную группу...

...Но и уже больше не мог смотреть. Я уже сам вагорелся тайнами орского камили и с этого для я много-много лет мечтал попасть туда, в ковъльные степи Ураля, где на берегах речонки Ори разбросаны были глыбы священного камия — остатки старого, забытоо башкирского кладобща, как говорали помелтевшие листы архивных записей, донесния казаков комалдиру Ехатеринбургской гранильной фабрики его превосходительству генеоалу Вейиу.

И вот мм в Халилове, на Южном Урале. На быстрых машинах — через безбрежное море полей с островани комбайнов, мимо бесконсчымх ям магиезита, веленых копушек инселеных рау, мимо буро-коричневых отвалов железных рудников, мимо черных, черно-зеленых шахт хромита, мимо всей этой пестрамы красок жамия, сперху залитого сплошими полями желтых налившияся колоске, вес мимо и нимо — в Ооск. годол яшмы.

— У нас к вам много вопросов. Я соберу сейчас инженеров, — нам ие ясен геневис аккермановских руд, непонятны анализы железных соединений. Отдохните немного. Через час, часнков в восемь, я вас жду в своем кабинете. — говорот начальник строительства, оченидно ждавший от нас какого-то святого нантня, от нас, мимолетных гостей, ответа на вопросы, для которых нужны годы упорной работы и неследований.

— Хорошо, мы придем, — пытался я отвечать, — только иемного поздиее, в десять или даже в одиниадцать, а сейчас ие можем — есть дело, дайте нам машину, наши конн понустали.

 Да вы куда? Зачем? — ответил он недовольным голосом.

— Мы на гору «Полковник», недалеко, всего пять-шесть километров от города, уж отпустите! — почти умоляющим голосом говорил я.

Ну ладно, в одиннадцать, так в одиннадцать... Только чего это вас туда нелегкая несет?...

....А там, за городом, начинались бесконечные степи иа мятких увалах, потом все ровнее и ровнее; на сотии и тысячи старых сибирских верст тянулись эти Кавахские степи, сиачала ковыльные, потом польниные, а далее — солончаки, поски и пески,

Здесь, на невысоких увалах по левому бе-

регу полусонной Ори, мы должиы искать наши яшим. В степи это дело довольно хитрос. Надо смотреть на каждую рытвинку или промониу, надо винмательно ногой разбивать выбросы крота, надо следить за каждой мелочью ровной степи, чтобы подметить в ней

Но вот вдали видиеется какая-то яма, потом другая, третъя; вокруг лежат камин, осколки яшм, как щепки вокруг срубленного дерева. Вот, наконец, настоящие шурфы и выработки, а вокруг инх целме штабеля яшмы.

Тяжелыми кувалдами разбиты серме неказистые глыбы, а внутри глыбы дивий рисунок, иезабываемый и непередаваемый, то резкий в своих кричащих тонах, то мягкий, переливающийся, без теней и графики...

Какие-то таниственные крылья непедомых птиц, сиятых со сказочных картин Врубеля, то-те митине передным, о которых так хорошо писа. Алексей Толстой: «...расская убедительно-ливный развивам невозможную повесть, и змениюто цвета отливы соблазияли и мучилы совосстъ».

Это были не те маленькие рисунки, которые столь избиты в овальных брошках Урала, — вто были мощные, смелые мазки природы на целых метрах сказочного камия, писавшего свои узоры в замечательной гармонин коасок.

 Это экспортный матернал, осторожно, не трогайте, — строго сказал маленький человек, быстро спешивший к нам навстречу из своей эемлянки.

Но скоро его строгое лицо распламось в удмбку. Мы узналы друг друга, Это был старый горщик с Урала П. Т. Семенин, старый всектель счастья в копях Мурэвинки и Ватики. Много прекрасных дией провели мы с вым в понсках самоцветов на Средием Урале, а сейчас он был постальен задесь как пачальник Орских яшмовых ломок, как хозяни этих окаменелых сказок природы.

Уже вечерело. Длиииме-длиниме тени ложились на камин, н все прекраснее, таинствениее горели своим испоиятиым рисунком

орские яшмы.

Мы точно к одиниадцати часам верпуальсь в кабинет начальника строительства. Два-три часа бурно спорили о проблемах никелевых руд, и уже веходила на востоке зари, зажигая исстрыми дугами небо, прорезывая его отдельными выравшимися лучами солща, уже потухали последние звеждочки на темносером небе, когда мы пустили своих сорок коней и по большому Верхне-Уральскому тракту понеслись на север.

А небо горело новыми огненными полосами, разгоняя серые туманы, заливая все могучими мазками красок, которые знает только ведикая палитоа понооды...

Наша спутинца обернулась ко мне.

 — А ведь, пожалуй, наша яшма больше всего напоминает утрениюю зарю, — сказала она, отломина рукой кусочек заалевшего неба и дала его мие...

— Что это? Синтся мне, что ли? Или я задоемал?

Глаза санпаются от усталости, а сорок коней бегут, разгоняя фарами иочную тьму.

XIV. KAPTA

«Надо быть смелым, чтобы видеть скрытое».

(Метерлинк, «Синяя птица».)

К Международному геологическому конгрессу в Москве летом 1937 года была приготовлена большая геологическая карта. Развими красками на ней былы обозначены гориве породы, отложения развых геологических эпох, — целый спектр цветов, от наиболее древних серо-синих через бурме и коричиевые, синие и эеленые, оразижевые и желтые, рисовал историю Европы и Азии — едибор Евравийского материка. И на этом пестром фоне из больших лоскутков, полос, ленточек и изген были разбросани в наобилии размоцветвие значки почти всех цветов и всех видов, в полном беспорядке. Так брошены они были как бы кистью художника, положившего грубые мазки своих красок в одни места, а в других оставившего чистый серый фон.

Эти значки говорили нам о рудах меди, железа, золота и других металлов, о солях и глинах и тех развообразных полезных ископаемых, из которых слагаются богатства земыхи кедр.

Винмательно, пътаясь изучить вти пестрые краски, останавлянались перед картой члены конгресса; с изумлением перед грандиозной работой советской науки качали головой иностранием ученьне; изша молодежь с особым жаром изучала пестрые краски своих родили мест,

А я, внимательно всматриваясь в карту, вдруг всломиви картинку из своей жизвинмаленькую студенческую комнатку на четвертом этаже дома купца Корзинкина, гле готовился к магистерскому вкламену по гослогин-Грязноватые стены комнаты закрыты быля большой Менделесекской таблицей— окодо печки, старой геологической картой России в красках—над столом, а над кроватью висел текниский ковер, привезенный мною из Туряменин, после первой еще студенческой поездки в Среднюю Азию.

. . .

Особенно любил я свой немного потертый кош Менделеснской таблицы, так как каждое угро, просыпаясь, всматривался в его глубокие краски, то желогобуме и перепые, то яркокрасивы и темпомалиновые. Ковер поражал неокидалинотыю рисунков — зелемки и белых пятен и отдельных прики инток, даруг на с того, и с сего вплетенимх в какой-то непонятной дистармовин в красиобурый общий тои ковра. Никакой идеи, инжаюго порядка в составляния пятем и красок

И долгое время тщетно старался я в нем уловить какой-либо рисунок. Это было пирасно. Краски были навесены случайно, и без всякого порядка вплетены были отдельные ниги туркменками, может быть много-много лет ткавщими этот ковер в полутемной кибитке в песчаной путстые Текв.

Но как-то однажды утром, совершенно

неожиданио, в одном углу ковра я скватих черты рисунка: какой-то зверь с косматой го- ловой, поднявший перединою лапу, вырисовивался там совершеню отчетляно на темноскогом фоне, он напомная мини жараван в путстыне Кара-Кумов; против него — в завит-ках, с опущенными скрученными рогами — белье пяти абрания стад так отчетляно кара- отчетляно, ясно вырисовываются на фоне все тех же буро-желтых песков.

Эта картина в том же сочетанин повторялась и в других углах; она несколько менялась в своем колорите, в позе дикого зверя, готовящегося прытнуть на испутанных баранов, но общий замысса художника был жеен и выступла. для меня все жене и отчетляве. Зеленые инточки селина и чисчаной акации» так закономерно вились вдоль желтых барханов песков, коло колодидев, а потом снова сплошние пески, ровные красноватие такирым и серо-белые шоры.

Я закрываю глаза, и вся пустыня племени текз, вся природа вокруг их аулов, вся жизнь куман с его заботами и борьбой вставала передо мною в этом расшифрованном отные ковре. Я больше не мог не видеть рисунка. Он стоял перед глазами как законченияя и чет-кая картниа художника; я сам себе удивлялся, что так много лет не понимал ковра.

. . .

Но гораздо больше горя доставляла мие карга. Как запомнить пеструю смену красок, полей, полос, пятен, как зазубрить вти сотня, тыслачи месторождений развикх уру жеся, полез, меди, цикка, то лежащих цельм весениям цветником на яркокрасных полосах гранита, то разбросанных случайными родимыми пятнышками или мушками на больших серых и бурых полях;

Но почему одни значки, как цветы, растут только на красных полях? Почему так характерны значки на темпозеленых полосках? Почему одни значки всегда вместе, а другие инхогда?

И, как в истории с ковром, постепенно, нитка за инткой, стали передо мной раскрываться тайны карты, и какие-то отрывки прошлого стали постепенно сливаться в единую общую картину.

…И вижу я расплавленный океан еще раскаленного земного шара: на нем отдельные острова более светлых гранитных пород, первял твердях кора Земли. Странине бури и катастрофы потрисают эти первые щиты, стибля, обламнывая их, замивая потоками расплаллениюй лывы, разрушая яркими солисчиным хучами, залывая первые пустнии первым дождем первых туч. А под инми еще кипят расплальные магмы, те, тто заствым потом в глубниях океана в черные скопления бав глубниях океан в черные скопления ба-

Из кипящих глубии клубятся и подимматся столбами пары легуних газов, воды собираются в черные тучи, чтобы пасть на еще раскалениую Землю. В густых, тяжелых туманах легучих солей и металлов, паров нода и брома, бора и хлора рождается первое море, кипящий, искищеный солями мировой окаси. Продолжается охлаждение Земли. Вот они,

продолжается охлаждение удиты Евраали Онгосовым с охраской залит Велякий Феносарматский, цит на всей площали Карелин и Колскогополуострова. По тоиким извилистым розовым полоскам вдоль рек соличений Украины догадываемся мы о нем. Мы чувствуем спокойный, и мощный щит под всей велякой равниной россии — основой ее и оплотом против многораз набегавших с востока и запада враждебных каменных воли.

А там, на востоке, гнрдлянды и дуги красок окружают другой щит, великий щит сибирский, твердь, о которую много миллионов лет разбивались могучие волны восточного океана. Охлаждается Земля. Сжимается ее поверх-

ность. Сближаются щиты первых отвердевших платформ, и как сталкиваются льдины при ледоходе, как торосится и бодамывается лед полярных полей, когда силы ветров прибивают их друг к другу, так скимаются и сближаются наши щиты, подминая под себя все, что было между ними, обрываясь обломками, открывая доступ расплавам тдубин...

И данниме цепи вулканов, мощных потонов газовых струй вокумают на тасячи миллионов газовых струй вокумают наши цитм огнентыми змежим, извиваясь между зажатыми цитами, с трудом пробивая пути на глубин кинящим расплавам, огненным газам, возгоным летучик солей.

В втих змейках кипят, зарождаются великие пояса руд и металлов. Вот он, зажатый между Европой и Азней великий Уральский хребет. Его отроги — отроги Уралид — скрываются из полярном севере под вечимин авдами мыса Желания, а на юге их горячие двихания скрыты где-то под поверхностью по-лынных степей и песков Казахстана, чтобы снова выныривать, как отдельные черпые и белые рыбы, среди пустмиь Кызыл-Кумов я Бет-Пак-Далы, чтобы снова восстать из песков и адыров среди прекрасных оазнсов Тянь-Шаяя и Аляя.

...И я вижу: в темиых, тяжелых распла-

вах глубин сверкают тяжелые металлы, кака исчадие мрака и тяжестиеть: платина, железо, медь, хром, викель. Я вижу, как из глубин гранитов поднимаются расплавлеенные, зактанива в сплошяюй туман паров и газов жильм петматитов, в которых растут прекрасиые прозрачивые самощееты берилла и топаза. Я вижу, как, наподобие ветвистого дерева, подинмаются к солицу горячие растворы — эти дыхания земли, а сверкающие металлымолого, жель и цинк, синиец и серебо — уже блостя кристаллами своих соединений на их течняхи.

Я вижу, как великие законы физики и кимин управляют этими грандиозимми проідессами прошлого, как сливаются значки одного цвета и одной формы в закономерные полосы, пятия и струи, как беспорядок хаоса поевоащается на монх глазах в величайщие

законы гармонии.

Вси Менделевская таблица элементов, покорная законам атома, ложится закономерно в целье полед, а они гинуста между щетами, создавая великую сос нашей страны — Урамды; они, как пучок колосьев, расходятся на Центральной Азии, отибая гирляндами и дутями великий Сибирский цит, они враванотси и ломают все, что им попадается на дороге, прокладывая под степями Украины еще не познанияй рудный пояс, который тянется на запад до беретов Англан у Атланятического океана и обрывается где-то на востоке, в пектах Кара-Кумов.

С юга новые волны молодых альпийских амений годинмаются спежные вершним Альп, опрождамаются спежные вершним Альп, опрождамаются спежные вершним Альп, опрождамаются и как бы скользят на север их гориме массивы, и спола горячее дыхание земли приносит из глубин атомы мышыяка и трути, серебра и сурымы, серебра и золота...

Вдоль втих еще более могучих хребтом я вняч другие значки, другой ковер цветов. Вот они — широкие реки, бургиме и пенящиеся в своих верховьях, безбрежиме, как море, в разлившихся нижим течениях. Вот они —

моря, опоясывающие великие хребты; их волны быются о каменные гряды, о застывшие каменные волны Земли. Здесь, на пустыниых берегах разрушающихся и умирающих хребтов, мы видим белые пятна солей, осадков озер и морей. Мы видим, как в глубинах, из зарослей растений медленно и постепенио рождается жидкое золото - иефть; как вдоль берегов, подчиняясь все тем же великим законам физики и химии, в определениом порядке выпадают из морских растворов черные руды марганца, красиые руды алюминия, буро-зеленые шарики железных руд. Я вижу, как колеблются большие щиты под иапором набегающих иа иих каменных воли, как мягко сгибаются и подгибаются оии, как заливают их моря и океаны, как бооии, как заливают из жори и океали, как од-лотистые инзины с отмершими массами папоротников, хвощей, хвойных растений — будущий уголь — сменяются сухими песками пустынь с их белыми солями и гипсами и красными глинами такыров!

Я вижу, как солице и ветер разрушают великий рисунок геологической истории, как на севере ложатся на него сплошным покровом вечиме систа и дады, как погребают они под собой все серые болотистые туидры и

тайгу, как тысячами эсркал сверкает пояс соляных озер, как яркими красками загораются, цвета в песках и горах пустывы в котфотопыков... Так сменяется великий рисунок истории новым рисуном, создаваемым солщем, ветром и водой. Нет, ие в беспорадке и хаосе разбросаны краски на нашей карте, а покорные великим законам физики и химии, управляющим миром и вами.

И в вину, как мечутся, перемещаются; рассенваются и снова собіраются вместе отдельные атомы металлов Земли! Покорные законам своей природы, это они рассеялій пестрый ковер цветов, чтобы потом укрыться под покровом лесов, полей и степей от глай человека и в длинной многомиллюной встории Земли превратиться в те богатства недр, за которые борется челомек.

Я понял, наконец, тебя, карта великой страны, и мие сделалось даже иепонятным, что так долго ты казалась лишь беспорядочной сменой красок, которые надо было вызубрить к экзамену на мютих и скучных страницах старых учебинков геологии и минералогии.

А вы, как вы поинмаете эту карту? Что читаете вы в пестром ковре ее затейливого рисунка и красок?

Видите ли вы только сухую историю осадков, морей, последовательно покрываещих друг друга в длиниой двухималиардной истории земной коры? Научились ан вы языку тех ведикцы законов, когорые управляли путями этомов, когда нэ мирового хаоса рождалась Земля, когда в сложных путях электрических сил один этомы накапланвались в глубинах, а другие окружали их ореолами так, как гираянды каменных води окружают наши щиты, как роятся электронные облака вокрут малейьких дяре наших атомов.

Поняли ан вы, что не случайно, а покорно великим законам физики и химин рождались ваши значим металлов, руд и содей, что не в беспорядке мирового хаоса, а в величайшей гармонин разбросаны эти пестрые точки согласно законам новой науки — геохимин: ей принадлежит будущее! И на законов этой науки родятся новая теография, новые пути экономики, новме узалы промышленности, новые всточники и богатства техники и кулатуры.

XV. РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Дружно гробан мы навстречу свежей нанапровской волие, борясь с набегавшими валами. Медленно подвигался тяжелый карбас, с сетями и неводом, и только поздио вечером мы подошли к западным берегам озера и под покровом варак стали втягиваться в Монче-губу.

 Как зовут этот скалистый наволок, что вдается в губу? — спросили мы саами Архипова.

 Да как зовут, просто зовут — наволок.

— А вот следующий?

— Это еще наволок.

— А там дальше, вои со скалой у входа в губу?

— Еще, еще наволок. Ну, чего спрашиваешь, иету имени у этих губ да наволоков, говорил старый седой саами, которому даже обидно было, что какие-то пришлме люди смеют спрашивать о рыбимх губах, а может, и хотят оаспояжаться ими...

А наш географ что-то аккуратно записывал в книжечку.

Прошло два года. Из печати вышла большая прекрасияя карта поляриого озера Имандры со всеми островами, губами и речушками. На месте западимх изрезанимх берегов красовались тонко выправированиме названия: «Просто-наволок», от него «Еще-наволок», адалые «Еще-ш-наволок».

Так родилось слово, и тщетно будут разбирать через сто лет великие знатоки финских языков, фольклористы и историки, где искать корин этих загадочных названий.

В тесной столовой старого дома хибинской горной станции на Вудъявре большое оживление. Вдоль длинных столов сидят за кружками чаю герон миоголетних хибниских экспедиций. Среди них саами Василий Кобелен несколько исподлобъя смотрящий на нас, и молодой саами Николай.

Николай горд своим внанием и своим чином. Он один-сдинственный сами срем нескольких тькаг рабочих и служащих треста. У него в руках новый жел-тенький портрам—одинственный портраменного поделением подпораменного подмененного п

Сегодия коестины.

Сначала надо назвать горы и долины Хибин, те, для которых до сих пор не было названия, а потом, и это главное, надо окрестить новые минеовалы.

И новые слова разойдутся по всему миру, новые названия войдут на сотилх языков ов все минералотии, геохимии и кимические справочники; они переживут всех выс. даже самое молодое поколение; их будут конорокать на всех языках мира; они будут фигурировать с сшибками в надписях во всех музелх всех страм, — словом, рождение слова не шутка, не забава для хибинцев, это, так сказать, сизценнодействие.

... Легче и скорее справляемся мы с назва-

ннями долни, гор, речушек.

ниями долин, гор, речушек.

— Вот вту речушку, около самого дома, — говорит Николай, — надо назвать Сентисуай, по-русски — Таловка; она ведь инкогда не замерзает, бежит даже зимой.

— Хорошо, хорошо!— соглашается хнбинское племя, уплетая вкусный пирог

с чаем.

Больше споров вызывают названия гор. Один котят называть их так: отроит первый, эторой, третий—по военному ранжиру; другие— воспитание в географическом дуке— Северная долина, Мерлядовальный кребег, Юго-восточный отрог; третъв, помоложе, еще живут воспомнаниями Майи-Рида и Купера: Вождь большой реки, Оверо косматых меделей, Г. Lеми Длинкого дия...

Это все звучит прекрасно.

— Вот вдесь раньше паслись стада диких оленей. Не правда ли, Василий? Значит, эту гору иадо назвать Гора оленьей долины, посавмски — Поачвумчорр — олень, долина, гора.

Нашим саамским вкспертам предложенное название очень нравится. За инм быстро принимается Ворткуай (Громотуха), Саамка, Ущелье географов; веселый смех не унимается, предлагают вызвать еще Аннушку — старожилку здешних мест.

Но вот строгий окрик начальства (на то

оно и начальство), все затихают.

Начинаются крестины новых минералов; крестные, отец и мать, должиы обосновать предлагаемое ими название.

- Вот прекрасный блестящий фнолетовый минерал. Он встречается в Ловозерских тундрах в добольно больших количествах это водный титано-инобо-тантало-фосфатосиликат натрия, кальщия и редких земель. Преддагаем назвать мурманитом.
 - Почему? раздаются возгласы.
- Защита крестных ие очень обоснована, кто-то в углу даже смеется:

 Да потому он мурманит, что его нет на Мурманском берегу.

Но крестные не унимаются, они доказывают, что «мурманит» звучит просто, кратко,

красиво! Мы голосуем: большинство за мурманит. Процедура его коещения окончена.

Потом выступает новая застенчивая пара, молодые отеп и мать.

олодые отец и мать.
— Вот совсем новый минерал, то-есть не

совсем новый, то-есть совсем не новый: есть в Гренаандин такой ринкит, так наш минерал на иего похож, а впрочем, не совсем похож.

Возникает спор. Классики предлагают назвать альфа-ринкит, кос-кго хочет дать название по имени той горы, на которой впервые встречен этот минерал: кукисвумчоррит. Страсти разгораются, наконец же примиряются на имени ринколит — почти как ринкит, но псе-таки не соиссем.

Так родилось слово, и быть по сему!

Заканчинается постройкой новая ветка мелезной дороги. Вместо старого, захудалого разъезда Белый целая настоящая станция... а дальше, у входа в ущелье, разъезд, потом город Кирокск — Хибиногорск, а в горах, у самого апатитового рудника, конечная станция всей апатитовой ветка.

Надо дать названия новым станциям, включить их в ресстр железнодорожных путей всего Союза, напечатать новые билеты, бланки, ресстры, квитанции, накладиме, литера — словом, записать новые названия в кингу полуда.

- Ну, конечно, самая главная станция это на магистрали, — говорит старый железнодорожник, — ее надо назвать: Апатиты.
- Но ведь апатит не здесь, пытаюсь я скоомно вмешаться в разговор.
- Ничего, зато сюда его везут. Значит, решено, эта станция будет Апатиты. Там, на триналцатом километре, разъезд, назовем его Тиган
- Но ведь там титана, как руды, нет и не было, — пытаюсь я снова подать голос.
 - Ну ничего, сейчас нет, так надо, чтобы вы, геологи, нашля бы там титая. Ясно? Ну, а конечный пункт ветки надо, комечно, назвать, у самого апатитового рудника, Нефелином. Тут, я думаю, и менералоги не будут возодажать.
 - Но ведь там, слава богу, нефелина мало, сплошной чистый апатит, — снова говоою я.
 - Ну, ничего, батенька, хоть мало, а всетаки есть; значит, и станция Нефелии.

Так родилось слово, так решил отец Саваоф — железнодорожное начальство. Ей-богу, я верно все рассказал о рождевин слова. Правда, немного приукрасил, но, как говорят, орнентировочно все правильно; спросите хотя бы Перепелкина, диспетчера в Кандалакше, или братьем Сорвановых, что на южном коще Умбожера рыбу ловят.

XVI. АЛМАЗ

Еще мальчиком вырезал я из какой-то иттербургской газеты несколько фельетонов о Кимберлейских копях алмазов в Южной Африке. Здесь в простом, бесхитростном изложении русского путешественика рассказывалось о том, как были найдены в Капской колонин алмазы, как их добывают, в какой горячке живут «культурные центры» Трансваля, как отбирается камень и поступает на рынки Европы и Америки.

Особенио поразили меня описания добычи камия, залегавшего в огромных воронках веленой породы — кимберлита, отвесные стенки которых то н дело обваливались, погребая под собой десягки, а иногда и сотин кафоов-рабочих.

Весь труд по добыче амваза держадся на десятках тысяч кафров, живших в особых, огороженных колочей проволокой сараях. Всюду констебом с резиновыми палками следили за расочини, опасалев, что неомиданию блеснувший в кимберлите камень ускользвиет на ценика отк владельне копей.

Кафров отпускали на волю в пьяные бары и кофейни-притоны лишь один раз в месяц после очистки и проверки их желудка.

Горячее южное солице, ни одного деревца, тяжелый каторжный труд, искупаемый в конце месяца стаканом виски или трубкой сладостного опичма.

Ну, а если кто-либо из инх пытался ночью проползти через колючую проволоку, то, совершению понятию и закоино, пуля кои-стебля обязана была положить конец его жизни.

В городе — в барах, кофейнях, домах свиданнй — там кипела настоящая жизнь белых. Краденые, полукраденые или законные камин переходили из рук в руки — в кабточной игрь, в бессмысенных пари и просто так, незаметно из одного кармана в другой. Визгланая музыка, пълные возгался, сделки милеров, скупка дутых акций, спекуляция участками, прекрасные креолки, шампанское — вот как жила главная улица белых в Кимберлее.

Так добывался алмаз — сверкающая, прозаминая, нерушимая разновидность углерода. Сотни миллионов долларов крупных алмазных синдикатов, сотни тысяч загубленных жизней рабочих!

В Париже в газетах широко публикуют устанизования образования компаний, желавших оживить рынок камия в тяжелые годы послевоений инфлации.

Все валы и фойе Большой Оперы заполнены были «набранизм» обществом, сверкаля отнями дивные венецианские люстры, блестели пиренейские пестрые мраморы по стемам, нежно светилься, как бы внутренным отнем, перила большой лестинцы из алжирского модяморного оникас. По условиям бала единственным камием должен быть алмая. Только в сочетания с ним разрешался зеленый изумулу, красный рубин наи надийский жемут. За самые прекрасиме камин предстояло избрать Королеву Алмазов и в тормественном заключительном шествии пройти перед ней старинным полонезом.

Досужие корресповденты улаччых газет описывали самые замечательные платья, ажурные, сверкающие тысячню маленьких амазов тункин звезд получаета; оин настойчиво расспращивали опроисхождения диадемы какой-то графини в тщательно записываль вымильенную историю о колье из коричиевых бразильских камией испанской красавици.

В бешеном темпе вальса крутятся, вертятся камин, сверкают и таснут, заливаются разгой из света, чтобы померкнуть перед отнем других. То медлениме темпы танго кольшут тиким румем бриллавитовое омерелье, то горит один только камень, как яркая одиножа минающая звезда Алтанр. Это только кусочек знаменитого Кюлденина в восмядскат каратов веса. О, сколько рассказов и преступлений связано с этим камнем!

Бал в полном разгаре... Но что-то полнуются распорядителя в черных фраках и черных цилиндрах: почему мигает электричество? Что? Забастовка на электростанция? Прекратилась подача угля — этого черного алмаза промышленности? Быстро, таниственным шопотом разносится стращное известие забастовка грозит всем электрическим станциям города.

Затихает музыка, бледнеют лица, судорожно сжимыются руки на драгоценных камиях, в страхе перед потухающими, уже мерцающими красимым отнями влектрическими лампами... «Бал прошел сказочно прекрасно, — писами газеты, — мы подсчитали, что на балу сверкало не менее 10 тысяч каратов камней, на много мналнонов золотых долла-

Так писали газеты, но никто не вспоминал о том пути страданий, по которым пришли эти камии в сверкающие залы Большой Оперы!

Никто не подумал о той цепи тяжелого, каторжного труда...

Острой пирамидой высится буровая выпка на 537-м пикете горы Кунсквумчорр. Бовая бригада стахановіда Каверина показывает рекорды проходит до в твердом апатите за смену онз проходит до 8 метров, и длянная светловеленая колонка бережно вынимается и кладется в ящик буровых кернов. Каверин внимательно отвиччивает коронку и проверяет в ней алмазык; они прочно насажены по ее ободку, но безяжлостно стярает их твердый и вязкий хибинит, или апатитовая руда.

Это не страшит Каверина. У него прозапас есть коронка с советским победитом, таким вольфрамовым сплавом, что, поди, не чуже алмаза. И Каверин горит желанием скорее испробовать его... Проходят дин, и новая коронка с победитом врезается в твердый камень.

Уже буровая прошла на сотин метров инже отметки свора Вудълярр; значит, она уже ме отметки свора Будълярр; значит, она уже отметки поверхности Аедовитого океана. Там каре об вы врезенств в потавита значита значита на динивным скерпами. Комчается смена, взяерается проходка, и... победит почти победил — 7 метров окодка, и... победит почти победил — 7 метров пед вто только первый опыт. Еще плохо ведь это только первый опыт. Еще плохо мену, а налажены штанги, еще не выправленай коо-где нарезка, еще не регудярна подача воды.

— А вот когда мы в этой воде растворим еще соль, что ослабляет твердость камия, когда мы самн попривыжнем, тогда... не издо иам будет вашего алмаза, мы на советском пойдем...

И гудят моторы буровых вышек, врезаясь победитом все глубже и глубже в Хибинскую гору.

"Алмаз — твое величие в прошлом! Не надо нам сейчас дорогих бриллиантов в золотой оправе, ожерелий, ривьер, диадем, скоро ие надо нам будет и алмазного борта в короике или резце. В борьбе двух камней углерода — прозрачного алмаза и черного угля — победа за черным!

XVII. БУНТ ATOMOB

Поадно вечером я дописмвал страницы своей «Геохимин». На 850 листах рисовал я историю 90 химических элементов Земли на 856-й странице, в последней, заключительной главе, освещал судьбу элементов в промышленности и сельском хозяйстве, рассказывал о том, как новая техника овладела всем нецісством Земли, как нет больше полемим таблица со всеми ее 90 клеточками положена к ногам трудящегося человечества. Надо было дописать всего две-три страницы о новом применении радия при просвечивании пушек, о методах лечения эманацией болезней рака, о методах лечения зманацией болезней рака,

и труд мой, задуманный больше 30 лет тому назад, будет закончен.

Пачинется длянимй путь переписывания, сверки и набора тех двух миллнонов значков, из которых слагается рукописы в которые надо наборщику один за другим выпуть из типографских касс, приладить, приверстать, отпечатать в листах корректуры, вставить в машниы, отпечатать в листах чистых, сложить, сброшировать, переплести. И я задумался о том толстом томе «Геохими», который в нарядном переплеет с красивой таблицей Менделеева в красках пришлют мие из типографии в виде сигнального вкемплара.

Я с тордостью смотрю на это свое детиде, но что-то пачинает меня в нем смущать... Мендо-еевская таблица с ее клетками оживает на моих глазах. Открывается клетка иомер 53. Из нее выходит заряженный атом нода, большой и неспокойный: он недоволен теми страницами, которые отведены ему в моем труга, ева он везаесущ, даже в прозрачном горном хрустале запрятами атомы нода, мы дашим мы, мы пъем его с водой, мы поглощаем его в огромных количествах с пищей. — Все шире полазуется много челотех.

 — Все шире пользуется мною человек в своих лекарствах, я делаю видимыми почку и печень для рентгеновских дучей, я спасаю автомобиль от столкновения в тумане, я останавливаю гангрену, ты не оценил меня, человек!
И незаменю из клетки номео 55 выходит

атом цезия:

— Я так же вездесущ, как и ты, иод, но меня еще меньше оценил человек. Я даю те- бе самое свое дорогое — свои электроим, что- бы их потоком ты мог произать вещество. Меня зовут цезяем, и за много будущес.

— А нас тм забыл совсем! — кричалы атомы рутун. — Тм списал несколько страниц из чукого ученого трактата, а сам ничето не поизал. Почему? Я тоже веласущ, как и нод. Почему мой яд разлант во всем мире? Я — смерты и жизнь. Почему тм не писал о моих сперквощих каплях в жилах гор, почему инчего не сказал о горячих вукланах, произосящих мои ядовитые пары вместе с моним друзьями и сурькой? Тм, очевидно, боншься меня, моих солей в баночках ос притертыми пробкамы, гремучего студия моих запалов, огненно-красной краски моей киноваюм.

Но открываются все новые и новые клетки таблицы.

Во главе шеренги из маленьких сильно

заряженных атомов стоит железо. Слева его друзья по сплавам — марганец, хром и ванадий, справа его соратники — кобальт, ин-

— За нами будущее мира, — говорит желео.— весь мир построен из нас, на самых отдаленных звездах и туманностях горят наши лении. Из меня построена вся ваша плаиета. Есэ меня и монк друзей не бальо бы ни магинта, ни магинтных бурь, ни оружия, ни машин. Я— металл войны и мирного труда, пушки и рельсы. Меня закаляют мон товарищи по табляще; посмотри, каким непроходимым барвером выстроены мм — самая ее середина, как веляка связь ее беспомощимх летучих кормльев.

Шумю и бурію продолжали открываться, клетки Менделеснкой табляцы: пестрой вереницей выбегали атоми цветимх металлов, катились ровно, как бильярдиме шары, слабо варяженные электричеством атомы щелочей, кальция, матиня, выпархивали легкие газы фгора, исполорада, азота, медленно раскрывались клетки тяжелых радиозлементов природы, медленно, но неизменно налучали они яркие лучи, цевидимые глазом, неизменно превращаясь в тижелье и неподвижные атомы солица. И все эти элементы вперебняку, не считажь ин с чем и и и с кем, предъявляла мие свои счета. Я не отмента, будущего скандия, этого страниюго редкого металла, которого так много на некоторых звездах. Я не упомянул о повых тавиственных применениях кадмия, скрыл от читателей замечательных ечебные свойства атомов таллия—и все они толинансь около меня, недовольные, сердитые, поливе задоов и тосований...

Сквозь толпу атомов могучим движением пробился ко мне самый маленький и самый

заряженный — атом водорода.

— Замолчите вм. последжин таблицый Что вы такое? Каков ваш род и ваше проискождение? Молчите! Один я имею право говорить. Он, он, — указывая на меня, — покмите, а я ведь вачало всех начал. Я — протон, я — точка, из меня построения вы все. Я во
всех вас, и вы во мие! Много в быстро летя
щих потоках вы разрушаете природу, яз меня
вы ее строите, я — альфа и омега мира. Разойдитесь, уйдите обратию по своим клеткам!

И я видел, как тихо и покорно ложились атомы по своим номерам, снова заполнялись ряды и группы, снова стройной казалась Менделеевская таблица, и только наверху ни слева, ин справа — не было знака водорода, — протона, начала всех начал!

Холодимй пот выступил у меня на лбу. Я забыл водород. Усилению протирал глаза, смотрел на табляцу, но нет, все было в порадке: груда написаниях страниц лежала на столе, черною тушью аккуратно была вычерчена Менделеевская табляца, а на ней было все на месте, и водород стоял даже два раза навеоху таблицы в слеав и споава.

Очевидно, я вздремнул, надо продолжать писать. И я стал быстро набрасывать стра-

ницу 857.

«А все-таки прав ли атом водорода? — думал я, дописывая эту страницу. — Не слишком ли много он возомнил о себе? Ведь физики говорят, что, кроме протона, есть еще поэтром, нейтром, вчётрым, влежтрон...»

Напрасно они так испугались его. И я то-

же хорош! Заснул и испугался!

XVIII. ДВЕ ЦЕНЫ

Мы встретились втроем ва столиком вагова-ресторана сибирского экспресса. Я астарый минералог, изучавший драгоценные и технические камии Урала, пожилой францул, навывавший себя инженером, специалистом по самощеетам, и деловитый украинец — директор треста точных приборов, ехавший в Сибирь за партиями агата.

Мы разговорились о погоде, вагониой пыли, зеленых горах, неожиданио перешли к камиям и столь же неожиданио убедились, что живиь всех иас троих была связана с драТоценным камнем; даже долго не моган мы поверить такой замечательной встрече, какая бывает только в рассказах начинающих писателей.

Мы засели вместе в удобном купе международного вагона, заказала себе несколько бутылок наразна н стали друг другу рассказывать бывшие и не бывшие истории сети всего истории своей жизни, о которых легче всего говооить только незнакомым лицы.

Первым начал француз. Его живое лицо как-то скривнлось в презрительную улыбку, когда он начал:

— Я презираю камни, это они погубили всю мою жизять, разбили лучшие мечты и сделали из меня простого коммерческого агента чужой фирмы. И тем не менее на всю жизять я обречен возиться именно с инми.

По окончании университета в Наиси, по настоянию родителей, я поехал в Париж учиться химин и коммерции. Очень скоро за бесценок удалось мне купить у товарища патент на повое медицинское- средство. Я открым большое дело, построив специальный завод. — денег у монх стариков было достаточно, все шло хорошо и сулило большие вы-

Конечно, вы поймете, что в Париже я очень скоро увлекся молоденькой парижанкой — тонким, нежимы существом, любившим цветы, красоту, лошадей и жизнь без границ и искусственных рамок. Это мие даже иравилось в ней, подкупало свежестью беззаботной веспы, из женился на ней.

Ко дию рождения я подарил своей Жанце брошку из уральской яшмы с красивым пестрым рисунком. Она очень обрадовальсь этому годарку, расспрацивнал меня об Урале, где родятся такие камин, и даже зашла в магазин «Русские самощеты» на будьваре Сен-Жермен — посмотреть камин из этой сибирской стаямь, как она говородал.

Там ей понравилась брошь из темнозеленого малахита. Я, конечно, приобрел эту безделушку для Жанны, хоть брошь стоила

много дороже простой яшмы.

С втого дия моя Жаннета пристрастилась к камию; скоро она высмотрела предсегный панделок из густого аквамарина. Ну, конечно, и его я купил, так как мон дела шли очень корошю. Но панделок с сине-зеленым камием можво было посить аншь с платьем определенного цвета. Я сам обратил ее виниание ка это и сам ей сказал, что к темному вечериему платью скорее подойдет сапфир. Мы обошли десяток ювелирных магазинов, нашли прекрасный кабошон из кашмирского камия, и я купил его.

Потом... для утреинего пеньюара ей очень понравная светлосиний, цвета василька, цейлонский сапфир. Я купил и втот камень, хотя он мне показвася несколько дорогим.

Между тем Жаниа еще более пристрастилась к камию. Она перезнакомилась со всеми повелирами Парижа, болтала безумолку о паріорах, ривьерах, ожерельях, панделоках, диадемах. Она увлекалась снинии камизмі; нашла где-то сама старую минералогию и в ней вычитывала только страницы о снинх

Сначала я платил довольно спокойно по ес счетам, но скоро синие камии сменились красными, а счета выросли во много раз. Жанна сделалась совершенио помешаниой на красных камиях: кровавый аметист, розовые рубелатил, нежиме винис-коасные топалы и добины всех тонов из Снама и Бирмы! Каждый камень отвечал определенному платью, определенному временн года, часам дия, погоде и даже определенному настроению.

Однажды, когда я осторожно намекнул ей, что счета ее ювелнров начинают меня смущать, она бросила мне кольцо с красным рубином и сказала:

— На, отдай его обратно. — А потом прибавила: — Ты прав, красные камин сейчас не в моде. Сейчас монм желаниям отвечает только адмаз.

А этнм желаниям не было конца... И без конца шла амазы, брильнаты, розы, солятеры неск видов и размеров, камин из Индин, Южной Африки, Бразилин и Конго, камин белой, зеленой, синей воды, камин желтые, оражевые, красиме и синие... Алмаз оваладел Жанибі. Оба вичего не хотела слушать, когда я ей говорыл, что платить больше не хочу и не могу. А повельры прискалали все новые и новые камин, то на одно представление в опере, то на выезд на скачки... Мие пришлось срочно продать партию продуктов своего завода, увы, по пониженным ценам. Но счета сыпались, и увеличивались и удалиялись.

Я продал с отчаяния один из своих заводов. Пытался сократить свои личные расходы, ио увлечение Жаниы не прекращалось. Впрочем, однажды мне показалось, что прозрачный алмаз начал Жание надоедать. Я обрадовался этой перемене, старался отвлечь ее, заинтересовать послединии картинами в Салоне, возил се на линкольне по полям и горам Нормандин; Жаниа действительно начала забивать камень, а я начал ожнаять.

Но однажды осенью Жанна пришла домой в каком-то возбуждении. Она сбросила свою шубку из горностая и стала передо

«Ну, что ты скажешь?»—говорили ее глаза. На шее ее было красивое омерсьье из яркозеленых камией. Ее бутопьерка за поясом состояла не на живых цветов, а на сверкающих самоцветов с листиками и стебельками из зеленого камия. Какой-то сине-зеленый камень сверкал и в новом кольце.

 Понимаешь ан ты, что это изумруды, настоящие наумруды из сибирских копей на Урале, — гордо сказала она. — Теперь у меня будут только наумруды....

Друзья, я не буду вам дальше рассказывать. Я продал все свои заводы, я сделал ог-

ромиые долги, и меня стали мучить кредиторы, а счета, счета... не кончались, они лились рекой.

Жанна инчего не поинмала, камень заворожил ее. Однажды после бурной сцены она мне бросила тысячу женских упреков, собрала свои драгоценности и ушла...

Не помию, как прошли первые годы после этого удара. Я долго болел, товарищи выручили меня из беды и нашли мне место агента по скупке камией у одного из ювелиров, которому я задолжал.

И вот я перед вами, разбитый жизнью и красотою камия. Нет, лучше не было бы совсем самоцветов на свете!

— Ну, моя история совершенно такая же, как ваша, но только наоборот! — медленио

иачал наш товарищ с Украины. Я вам ее расскажу, и расскажу даже то,

о чем многие сейчас и не догадаются.

Вы должны прежде всего знать, что в середине войиы совершенно неожиданию я получил наследство от какой-то тетки. Она, оказалось, была богатой, имела стариные, как говорили, фамильные драгоценности и перед смертью завещала их мие, сказав: авось что выйдет из Пети; пусть подарит жене.

Я сохранил у себя, не скрою, в огороде, ящичек с полученными драгоценностями и даже совсем забыл о инх в первые годы тревожной жизни. Еще в период гражданской войны в Полтаве я встретился с очаровательной Галиной, ну, знаете, настоящая украника, с черными живыми глазами, черными волосами и певучим голосом. Очень скоро мы поженнансь и зажили — не так чтобы очень счастливо, но и не очень плохо. Настоящих дружеских отношений у нас с Галей не было, н все из-за этих камней. Как я ни думал, что это инчего не значит в отношениях между мужем и женой, а возьмите, вот такая мелочь, и из-за нее получилась какая-то недоговоренность. О камиях я ей долго инчего не говорил, и это меня все больше мучило, в конце концов нало же ей было сказать...

И вот года через два после женитьбы пошел я к себе в огород, выкопал ліщичек с теткиными драгоденностями и торжественно открыл его перед Галиной вечером. Ой, какие там бъли камині Браслет из язумурдов вперемежку с красимии рубинами, каква-то брошь из лезнакомного мие камин и ожередле из накри-

11*

стого топаза с маленькими бриллиантиками все прекрасной старинной кустарной работы.

У Галниы прямо глаза разбежались, она по очереди примеряла то браслет, то ожерелье, вертелась перед зеркалом и напевала ка-

кие-то песни.

Действительно, драгоценности эти были очень краснвы, но как-то они были не по душе ни мне, ни моей Галине. Сначала она пыталась их надевать на вечера в клубе. Как-то раз пошан мы с ней в театр, и я упросил ее надеть топазовое ожерелье с бриллнантами, но как оно не вязалось ни с пьесой, которая шла в театре, ни с нашим настроением, ни с нашими вкусами!

 Знаешь, — сказала она мне на следуюший день, - не могу я что-то носить эти теткины драгоценности, как-то не знаю! Да ты не обижанся, но только, знаешь, возьми это ожерелье, продай его и купи вместо него попроще - бусы из камия, какие у нас на Украние носят.

Я охотно выполнил ее просъбу, продал ожерелье, купил уральские бусы из дымчатого топаза да еще принес домой несколько сотен рублей.

 Вот корошо, — сказала она, — а это пригодится в козяйстве.

Уральские бусы из дымчатого топаза так красиво переливались на шее моей Галины, что мы ие могли нарадоваться нашей покупке.

Но как-то пришла ко мие Галина и говорит:

— Не надо мне моего колье из золотистого топава, зачем эти дорогие камии, еще разорвется интка, и я все потеряю. Ты бы мие
лучше купил брошку, знаешь, овальную с тоиким золотым ободком или филигранной работы из серебра. Они ведь не очень дорогие —
с яшмой, пестрой такой, с Урала. Это ведь и
коленов и улобио.

Я опять выполнил просьбу Галины и купил ей не одиу, а три брошки: одиу с нефритом, другую с орлецом, а третью с пестроцветиой ящмой.

В магазине «Русские самоцветы», где я их покупал, мие рассказали, что все эти камии из нашей страни: нефрит — из Восточной Сибири, розовый орлец — из окрестностей Свердловска, а яшма — из Орска на Южиом Урале.

Галина не могла нарадоваться, танцоваля около зеркала, смеялась, пестрые камни веселили ее. веселился и я.

И мы торжественно решили, что нам ие иужио больше теткиных драгоценностей, что лучше мы продадим и изумордный браслет и брошь, возьмем отпуск и на полученные деньги поедем по нашей стране «кутить», как смевлись мы оба.

И мы поскаля «кутить» на целых два месяца, вадам от забот и дел, мы скитались по Уралу, побывали на новогоройках, добрались до самого Байкала, спускансь в золотые шахты, подиялись на Эльбрус, купались в Черном море... и вериулись спекным, бодрычи, всесыми и, главное, настоящими дохуамим.

Нет. я люблю самопветы!

Теперь пришла очередь рассказывать мие; ио мие, после этих двух рассказов, не хотелось говорить.

Я притворился усталым, сказал, что пора расходиться, так как завтра в 7 часов утра — Красноярск.

Мы простнансь, а я скорее открыл свой блокнот и записал во всех подробностях рассказы моих спутников.

И только когда я аккуратненько все внес в свою книжечку, я лег спокойно спать.

ХІХ. ЗА НЕДРА

«Кто крепко хочет, — найдет!»

(М. Горький, «На дне». Слова странника Луки.)

Широко распростерлась наша Родина через два материка, занимая почти половину земного охвата по широте и свыше 6 тысяч километров по меридиану.

От полоса земли и полюса холода до солнечных субтропиков и величайших в мире сухих пустыиь, от глубочайших инзии мира, уходящих глубоко под поверхность океанов, до высочайших вершин — почти в 7 500 метров — пика Сталина в группе Памирского Гармо.

Самые длиниые в мире реки — в 4 тысячи километров, самые длинные в мире ледяные потоки — почти в 80 километров длины, самые отдаленные от свободных морей участки материков, самые красочные в мире лаидшафты — от вечных абдов и сиегов полярных островов до цветущих оазисов у подножья Памира.

Свыше одной вестой этой шестой мира ванято тундрами, около половины - лесами и тайгой, почти половина всей страны охвачена вечной мерзлотой и свыше миллиона квадратных километров покрыто песками пустынь.

Ровио половина запасов железиых руд всего мира скрыта в иедрах нашей земли и три четверти мировых запасов марганца, свыше половины всех запасов нефти и половины всех известных в мире фосфорных руд; солей калия, этого живительного нерва сельского хозяйства, в четыре раза больше, чем во всех калиевых месторождениях всего мира. Наш инобий и титан перекрывают все, что известио нам на земном шаре.

Велики запасы угля — этого «хлеба промышлениости», по выражению В. И. Ленина. Запасы только одного Тунгусского бассейна в Сибнри куда больше всех запасов угля во

На долю наших торфиных богатств приходится около 60 процентов запасов всего мира. Грандиозни запасы белого угля в падающих струят воды, и свыше 200 миллионов лошалиных сил еще бесцельно растрачиваются нашими реками и водопадами— в два раза больше всех действующих в мире влектростаниям

Бесконечны запасы солнечной энергин нашего юга, прилнвиой волны нашего севера и буйного ветра равиин и горных хребтов.

Но среди всех богатств нашей страны, среди всех источников внергии самое большое богатство заключается в с а мо м ч с л о в с к, в том новом покорителе природы, который преобразует ее, в том советском челожее, который сумел подчинить волю всех коллективной воле народа, сумел создать горячих творцов новой жизни, борцов за человека и за природу.

природу.

Новая география нашей страны рождается на наших главах. Стареют описания даже 1930 года, полы опшебок сводки 1936, когда их приводят в 1938 году. Новое опережает

само время, старое сменяется, рассекается новым каналом или дорогой, расстояния в десятки тысяч километров побеждаются почти в сутки быстроходными самолетами, а старая большая дорога России с ее грязью, ухабами, гинамми настилами, сломанными уходит из мира сегодияшнего в старый рассказ.

В диком краю непуганой птицы, как в сказке Пушкина, рождается новый мир поляриой новостройки; залиты огнем гидростанций города, поселки, пути; мощные и скорые электровозы с их протяжным гудком нару-

шают безмолвие Севера.

Большевики победили туидру! Уже веет старой легендой от рассказов об оленьих тропах, о тяжелых карбасах, о вехах, построенных на льду порожистых рек, о старых кольских погостах, где церковный звон воскресенья смешивался с языческими обрядами старого быта.

А вот ровная черная пустыня Кара-Кумы. Как лезвием, разрезана она первой автомо-бильной дорогой. Караваны грузовых машии пришли на смену длинным караванам верблюдов с маленьким ишаком впереди и со звоиочком на хвосте последнего верблюда.

Больницы и школы, кооперативы на месте в центре песков сериные заводы, метеорологические станции, эжемые бахчи. Уже внедрякогся первые буровые в сыптучие пески Кара-Кумов, чтобы отыскать в инх живительную воду. Уже мутивые воды Аму-Дары врезаются, как эмейки, в пески пустыни, сами себе пообнавя доогу, сами себе укоеплая, дио.

Большевики побеждают пустыню!

Но не уваекайся своими победами, чельевН Не думай о том, что овладел всеми тайнами природы и завладел всеми ее богатствами! Ты еще мало что сделал и мало что около 40 процентов поверхности нашей страма, а между тем не больше 10 процентов Сибири сколько-инбудь винмательно осмотрено геологическии глазом. Только 1/20 знаем мы на Кольском полуостроме, и огромные земли на востоке, и азгладе, севере и юге, по существу, для нас белые, или, вериее, чериые, патна исельнами в

На далеком северо-востоке Сибири миллионы квадратных километров пересечены лишь отдельными маршрутами исследователей. Ничего мы не зчаем о том, что лежит между Кировском и Муроманском, а на западе от Мончегорска, этой новой полярной новостройки, проходила только одна экспедиция форанцуза Рабо в 1884 году!

Почти иеведомы для иас главные хребты урада, на юго т Залочуста, еще меньше мы мнаем о нашей Русской равиние, в центре которой стоят Москва. Что делается там, под нашими ногами, всего лашь в 2 тысячах метров от нае в глубниу, в получасе ходьбы? Только сейчас новые буровые в самом центре города немногим превысили полтора километра. И сказоно-необиданные истории рассказывают они нам об этих «стращимых» глубымах, которые равны небоскребам в 300 этажей, но которые вместе с тем равны всего лиць / мож дасти рассканымы / мож дасти расскаными до центра. Земли.

Миллионы квадратных километров сибирских инзви покрыты степями и тайгой и бесконечными тундрами и скрывают свои недоа.

Может быть, там, совсем на небольших глубинах, под торфом и песками, может быть... Разыгрывается фантазия геологов и геофизиков, когда их тяжелые маятиния расказывают о том, что под Сибирской равин-

ной вдоль Урала вытянуты мощные хребты, некогда уничтоженные заливавшим их морем и сейчас запрятаниме под бесконечными пахотами и лугами Сибион.

А что еще скрыто в недоступных иам горных хребтах Памира, Алтая, Саян, Хамардабана, Яблонового, Верхоняского и Черского
хребтов? Что таят в себе покрытые динимы
кеами красавцы Тяпь-Паня, Сихоте-Альня?. А что скрыто совсем около тебя, подтооей пашией, в корнах опрокнутого бурей
дерева, в весением размыве реки, в только
что вырытой канаше дороги, выбросах колодца и ниогда на твоем огороде?

Разве пужно говорить о далеких хребтах? О загадочных пустыных? О сагадочных болествах Кольского края? Разве нужно нам увлекаться поисками в недоступных теснинах саянских рек, на бологительх склонах Хамардабана вил в труднопроходимой тайге Тунгузок, когда у нас самик, совеем у нас под боком, скажем прямо, в своем городе мы еще очень мигото ие знаем.

В последние годы войны, во время разрухи, около самого Ленинграда были открыты богатейшие руды алюминия. красные бокситы Тихвина. Волховский алюминиевый завод, другой завод на самом месторождении, алюминиевый завод на Днепре — вот что родьнь эти месторождения. И красивые бокситы лежат отдельными пятнами в том завитке каменноугольным пород, которые, окрумая Москву, вырнсовываются светлосерой краской на геологической карте, протигиваются на северот Белого моря, неся с собой много разимх богатств, а среди них и угля, нужные нашему севеоу.

А почему мы знаем эти богатства лишь в отдельных пятнах этого завитка? Почему мы не можем их встретить у берегов Белого моря, в верховьях Волги или под Смоленском?

А вот и сама Москва белокаменная! Уме врезанотся буровые в ее белые известняки. Они проходят сквозь громадные толдци белосиемкого типса, они перескают глипы, пропитаниме солью, бромом и нодом, уже изаливаются из глубин этих скважин рассолы с богатейшими солями новорожденного курорта — Москвы. А что лежит еще глубже, что ждет голлога до того знаменательного момента, когда буровая упрется в сплошные гранитные массы, когорые подставляют выс поверхность

Русской равнины, образуя великий феносарматский щит?

Вот что говорит нам буровая в Ленииском районе города Москвы!

А дальше к югу новые загадки привлекают наше винмание. Около Никитовки в Доибассе работает замечательный рудик ртуги. Несколько восточнее, в Нагольном Кряже, встречены жилы с золотом, серебром, свинном и ником.

Смелая мысль А. П. Карпинского много лет тому назад, положив линейку на отдельные выходы руд, наметная великий рудный поле от самых гор Мангышлака за Каспием до Сандомирского кряжа в дальше через такие же руды Гарца, Ардени до побережья Алгами.

И в этом великом рудном поясе Герцинский впохи лишь в отдельных местах горязиспарм и растворы смогли пробиться изверх и отложить в рудных жилах свои сверкающие металлы в строгой последовательности: олово, вольфрам, золото, медь, цинк, съниец, серебро, сурьма, ртуть, мышьяк.

Таков ведичайший теоретический и прак-

В глубинах - олово и вольфрам, наверху,

далеко от расплавленных очагов, — ртуть и ее спутник мышьяк.

И мысль геохимиков подымает все новые и

И мысль геохимиков подымает все новые и новые вопросы. Может быть, на линии этого пояса скрыты от нас столь нужные нам цветные металья? Давайте пробем грубокие буровые так, как пробивают их — сотни тысяч метров — нефтяники, попробуем прощупать неведомые глубины так, как смело и деряко по указаниям Ленина вскрылы Курскую магинтиру воималию и нашли в глубинах запасы железных руд в несколько сот миллардов томи.

Но еще более деракими и смельми делаются вден наших химиков. Это они открыми богатство калиевых солей Соликамска, этих предскавали, что Пермского моря; это они предскавали, что Пермское море своими заливами и ноливамен и делами дел

Так разыгрывается научная фантазия геологов и геохимиков. Но без фантазии, без смелой н дерэкой мысли нельзя овладеть природой.
Без великих законов физики и химии

нельзя раскрыть ее тайн. Недаром говорил М. Ломоносов в

> В земное недро, ты, Химия, Проникии взора остротой, И что содержит в ием Россия, Драги сокровища открой.

Так поднимемся же на овладение недрами нашей страны!

Глазами новых идей посмотрим на великий Союз, на старые геологические карты Евразин. И новые глаза геохимиков, подобно рентгеновским лучам, пусть проинжут покров тундр и песков.

Но не сразу и не вдруг раскроются, как в сказке, недра. Новый путь будет не всегда легок, и не всегда и не везде выйдешь из него побелитаем.

Еще недавно в великих просторах нашей страны едниственным путем познания были далекие и долгие экспедиции. Сотин, тысячи нсследовательских отрядов были брошены за последние двадцать лет во все уголки нашей великой страны. Но сейчас многое изменяльнось В самых медвежьких углах Союза растут культурные центры. Исследователя больше не приходят со стороны, а рождаются и крепко растут на местах, в родим крае, в занакомом округе, где всякий пень и всякий камень СМАМКИ БЕСТ ЗАВОСЫ И ПОЖИМ В СОЖНИХ В С

В годы своих знаменитых поларных вкспеанций Родыл Амундсен, этот крупнейший полярный исследователь, говорил: «Экспедиция — это подготовик», и од действительно готовился по два-три года, готовился, чтобы одним ударом, в иссколько месяцев, добиться поставленной цели.

Но иначе говорил Рихтгофен, этот веутомный, но сиссматчески планомерный иследователь Китая: «Экспедиция — это многолетняя разработка привезенного материала». И этими словами он подчерениям образовать хорошо и продуманию научиме материалы, и он бережно их провезти, системативировать, сравнить, изучить в деталях и опубликовать.

Наконец, Николай Михайлович Пржевальский, наш великий исследователь Центральной

Азии, говорил еще иначе: «Экспеднция это организация, то-есть расстановка сил в предвидении всех трудностей, организоваиное их посоложение»

Но наши годы, долгие годы экспедиционной работь, выдвинум еще одно условие. И оно сделалось в нашей работе ведущим и решающим: «Смегедиция — это овладения природой и ее богатствами». Это победа над ее силами, это ее познание для того, чтобы ее спеределать. И высшим достижением нашей экспедиция явилась... ее дальнейшая ненужемсть. Создание на месте опорных точек, баз, станций, людей, которые должим сделать ненужной дальнейшую присылаху экспедиционных отрядов, столчиных ученых, столь часто чуждых и чужих краю и для края.

Для нас высшим достижением стало овладение силами природы и их подчинение со-

циалистической стройке.

И новый завод или рудинк, новый совхоз или культурный центр на месте твоей палатки и твоих ночевок в песке, под сакой или просто иа камиях — высшая задача и высшая награда.

. А теперь, когда новые люди выросли и крепнут, когда экспедиции нужны лишь в самых диких местах Сибири, Камчатки или Заполярья, когда всюду зажигаются дозунги позиания своего края, — теперь новые задачи растут и новые пути ширятся!

Каждый в отдельности и все вместе идут на штурм, последний штурм нашего незнания стояны

Познай самого себя— старый лозуиг греческих философов превращается в боевой клич многомиллионного народа: познай свою страну!

Следуйте же совету горячего грибуна говарища Куйбышева, который в 1932 году шксал комсомольцам и пионерам: «Перед нами встает важнейшее условне для создания эторой пятлаетия: мя должим узнато свою страну... Нужно увлечь этой мислью мислью мим молодых рабочих и колхозинков, студейтов, школьников и пионеров, туристов и физультуринков, фабавручинков. В жаждом районе нашей страны будем искать железо, медь, нефть, утоль, торф, сырре для химической промышленности, иовые почвы, нарестения. И не только искать и узнавать, но и учиться использовать эти богатства для строительства оциализма».

Познавайте свою страну, свой край, свой

колхоз, свою горушку или речонку! Не бойтесь, что малы эти горушки и реки, — ведь из малого вырастает большое!

В вашей любви к местному краю и Родине вы найдете те скам и те орудия, которые помогут овладеть тайнами наших недр. Только в бодром, горячем порыве, в страстной любви к своей родиой стройке, межости и внергии родится победа — и не только и не столько в отдельном порыме, сколько в упорном, непоколебимом труде, в упорной мобилизации всех своих сил, в том постоянном горении, которое медлению и неуклоино сдвитает горы, открывает неведомые глубины и, по словам Ломоносова, «выводит их на солиеиную осность».

И пусть же на этом пути лучезарной звездой будут яркие, ясные заветы Михайлы Ломоносова:

«Поедем имиче по своему Отечеству; станем осматрявать положения мест и разделим к произведению руд способияя от неспособимх; потом на способимх местах поглядим примет надежных, показывающих самые места рудные. Станем искать металлов, золота, серебра и протчих, станем добираться отменных камией, муаморов, аспидов и даже до нзумрудов, яхонтов и алмазов. Дорога будет не скучна, в которой, хотя и не везде сокровица нас втеречать станут: однако везде увидим минералы, в обществе потребные, которых промыслы могут принести нам не последнюю прибыль...»

«...Металлы и минералы сами на двор не придут; требуют глаз и рук к своему принску».

примечания

Честое и безое

Марганец в природе встречается преимущественно в виде черной или черно-бурой руды — пародовить, испоменала или берунита, которые осва-даются из морской воды и потому обычно переславаются с известивками и мергелями — холодимым освадками исглубових морей.

2. Алатит Хибинских тупдо является главнейшей граф правовался из расплавленных масс, насхиденных парами и главми, и его скопления, как это видно на руднике около города Кировска, были связани с бурными равломами, разъеданием и виедоением полурастворов-полураспланов апатита и его спутника нефелица при температурах около 800г.

Саамская кровь

1 Астенда рассказана била мие местной савана Аннутной Коседьей в 1923 году. Камется е сам ей подсказал связь разбрызганной крови с красимы минералом, дотя ниесте и другое савасное сказание—тибель Чуде Туров, в котором говоритем; та 48 из его колена крозы кипала, и там, гас унала крозы, стали расснае жанин» (тавета «Кировский рабочий», 1936.). Интересно, что Аннушка в своих рассказах манамалал себя и свой каро, по-старинному: «лопъ», что отвечает сквидинавскому «Парр», то-есть «конец» мин «край».

2. Хибинские тундом расположены между овером Имандой и Умбовером, за которым к востоку лежат Лововерские тундом, в свою очередо омываемые Лововерские тундом, в свою очередо омываемые Лововером. В середине живописных склактых Лововерских тундо илходится самом красивом вы Кольском полуострове оверо Сейтъявр. Как показывает его название, вто «священие» озеро», на северном берегу которого маклодится фигура ведамила Куйла.

3. К у й ва — старик, ведикам, чародей, и, по представлению местных савми, его фигура сохравналась на Сейтъявре, где она вырисовъвается на исскодько сот метров высоты на крутом образье. Как мы убедимень ов орежи вышей висседиции, темная фигура образуется комбинацией дишайников, мхов и мокрых потеков на скадах.

4 Эндиалит — красивый красный камень нередко с фиолегованы мли буроватым оттенком, является чрезвачайно ценной кудой на метал. цирконий, применим как и металаургии, так и и качестве огночном.

Алебастр

 Широкое применение алебастровых вав в Гатчинском дворце как светильянию было впервые отмечено мной и 1913 году; оно ваимствовано из северной Италии и особеню из Флоренции.

2. Селение Покрово-Ясмаьское — и 50 километрах от станции Кунгур, на западном склоне Урала. В 1918 году в районе Кунгура работало несколько сот кустарей, объединенных коопесопией и астель.

 Любовь к слонам сокранилась до настоящего аремени. Так. и 1937 году было заклано промхооперацией из гипса в ангиларита 367 тысях слонов, которых, как известно, покупают «на счастье» цельми табунами.

В огие мулкана

 Коктебельские камешки, или, квк их на месте называют, «ферламинска», известим уже более 100 лет. Из них в XIX столени выдельнались даже столешинум со своеобразимм рисунком.

Беломорит

- Знаменитая ломка полевого шпата «Синяя Пала» расположена почти на берегу Белого мэря, в 6 километрах на восток от станции Кировской желевной дооги Поляный Коут.
- 2. В а р а к а карельское название холмистого возвышения в мягком, сглажениом ледииковом редьефе, — обычно состоит из более твердых горных пород.

По грибы

- Горщики крестъпне, занимающиеся поисками или добычей камией,
 - Крнолит и хиолит фтористые соединения алюминия и натрия, применяющиеся при выплавке металлического алюминия.
 - 3. Ширлой горщики называют черный или темный турмалии (шерл) из пегматитовых жил.
- 4. Тяжеловес местное уральское название
- Тумпаз местное название дымчатого горного хрусталя.

Testa nera

1. Теяtа—голова, пега—черная. Легенда, расскаванная мне старым продавцом камией в Порго-Феррайо—главном городе острова Эльбы—в 1909 году.

- 2. Семья горщиков Челлери сыграла огромную родь в раскомтии минеральных богатель острова.
- Карабинеры местная жандармерия, носившая фетровые шляпы с зелено-синими петушиными перьями.
- Паломбайя внаменнтое месторождение округамх, как бы оплавленных кристаллов кварца.
- Инглезе у населения острова Эльбы обозначает не столько англичания, сколько вообще иностранца, — так автора очерка рабочие называли «инглезе руссо».
- Александрит разновидность минерала кризоберилла, добываемого в изумоудных конях Урала. Зрленый цвет его при искусственном освещении делается фиолетово-красным.
 - 7. Чипполине нечистые слюдистые мраморы.

Люли камия

- 1. Профессор П. Г. Меликишвили (1850—1928) крупный химик, работавший в Одессе и Тбилиси.
- 2. В. И. Воробьев храинтель минералогического отделения музея Российской Академии наук. Погиб в 1906 году.

Целестии

 Целестии — от датинского caelestis — небесный, небесно-голубой. Широко употребляется в сахарном производстве и при приготовлении красных бенгальских огней и ракет.

Мрамор, мрамор и мрамор

- Афинский Акрополь построен Ликургом в 448—438 годах до нашей эры.
 - Розовый зал в Русском музее отделан знаменитым карельским мрамором с Белой горы.
 «Эффект Рамана», или, как теперь называют.
- «эффект комбинационного расселиня света», был открыт советскими физиками Л. И. Мандельштамом и Г. С. Ландебергом в феврале 1929 года, почти одновременно с ними сделал это открытие индусский ученый Рамми. (Прим. ред. 1

Карта

 Следующие слова взяты на явана туркменското племени текв в западной части Кара-Кумов: кумля — житель песков; такир — глинистая поверхность, куда стекают воды во время дождей; шоры (соры) опальные понимения в песка; покрытые солочиками; посчаная акация — вствыстое дерево в Кара-Кумах, из которого плетут облицовку колодцев; селин — зеленая тоава, растушая на песках в районе колодцев.

- 2. Геохимия—наука, изучающая распредсление и сочетания отдельных химических элементов в земной коре.
- Автор, говоря о происхождении и виутреннем строении Земли, рисует космогонические представления Канта и Лапласа об ее огненно-жидком состоянии в прошлом.
- В настоящее время академик О. Ю. Швидт создам новую теорию происхождения Земли, согласно которой планеты образовались в результате стущения материи, находившейся в пвлеиндиюм и метеоритном состоянии и были первоначалыю холодиным.
- Это дает совершенно новую основу для разрешення вопросов о строении Земли и о действующих в ней силах и процессах. (Прим. ред.)

Рожление слова

- 1. На во лок участок твердой земли, отделиющий озера друг от друга, то-есть земля, через которую надо волочить лодку; мыс на озере.
- торую надо волочить лодку; мыс на озере.

 2. Губа небольшой залив или бухта озера или моря.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	
I. Искры прошлого	
II. Черное и белое	1
III. Саамская кровь	1
IV. Алебастр	2
V. В огне вулкана	3
VI. Беломорит	4
VII. По грибы	4
VIII. Testa nera	5
IX. Люди камия	6
Х. Монча	8
XI. Целестии	9
XII. Мрамор, мрамор и мрамор	10
XIII. На горе «Полковник»	11
XIV. Карта	12
XV. Рождение слова	13
XVI. AAMAB	14
XVII. Бунт атомов	15
YVIII Inc. neura	150

XIX. За недра

168 184 Редактор Е. Геврилове Оформление Б. Спарыно Худовественнай редактор Н. Печникове Теллический редактор-Э. Микорове А02575 Пода. и сеч. а 0.0VI 1933 г. Буната $60.\times2^{10}/n_1 = 3$ бум. л. 6 печ. л. $V_2-m_{\rm R}$, л. 5. Террат 75 000 см. 2 Ваки 11. Цени 2 р. 50 к.

Типография "Краспое знака" изд-за "Молодая гвардия". Москва, Сущевская, 21.

